

САД ЧЕСТНЫХ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Сад честных

«Автор»

2026

Светланова М.

Сад честных / М. Светланова — «Автор», 2026

Певица Лиора Вейн умеет удерживать живые мосты голосом — пока однажды мост не забирает у неё ноту. Пять городов над пропастью остаются без надёжных путей, а новая система канцлера обещает безопасность в обмен на публичную исповедь каждого путника. Чтобы спасти Школу голосов и распадающийся Сад Переправ, Лиоре приходится работать с Савой Ренн — мостостроительницей, чья семилетняя ложь всё ещё держит последний путь между берегами. Их влечёт друг к другу, но чувство не может заменить проверку, а прощение — ответственность. За девять дней им предстоит создать мост, который принимает разные правды, добровольное молчание и право уйти. Только выдержит ли он честное незнание будущего?

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Нота над трещиной	6
Глава 2. Мостостроительница с чужого берега	10
Глава 3. Школа, которую хотят купить	18
Глава 4. Чайная у закрытого пути	24
Глава 5. Семена по эту сторону	28
Глава 6. Ключ опоры	35
Глава 7. Комната тишины	40
Глава 8. Пять несовпадающих правд	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мара Светланова

Сад честных

От автора

Эта история выросла из простого вопроса: может ли честность оставаться добродетелью, если её требуют силой? В Саду мосты слышат человеческие слова, однако не умеют отличать признание от допроса. Отличать придётся людям.

«Сад честных» — роман о ремесле, доверии и праве выбирать, кому открывать свою правду. Здесь любовь не награда за безошибочность, а совместная работа двух взрослых женщин, которым предстоит отвечать за последствия собственных решений. Читайте неспешно: прислушивайтесь не только к сказанному, но и к паузам, которые героини учатся уважать.

Глава 1. Нота над трещиной

Утренний мост всегда начинался с ми-бемоля.

Лиора знала это не по камертону. Камертон мог соврать от сырости, медная пластина — остыть за ночь, настройщик — оставить на винте лишнюю восьмую оборота. Но в пред-рассветный час, когда пять берегов ещё прятали окна за ставнями, Эвров мост сам находил свою первую ноту. Она поднималась из пропасти вместе с туманом, проходила сквозь каменные перила и отзывалась в костях мягким, почти домашним гулом.

Сегодня мост начал с паузы.

Лиора остановилась у входной арки и подняла руку. За её спиной смолкли ученицы. Даже Нара, которая обычно успевала задать вопрос раньше, чем замечала запрет, прикусила губу.

— Не ступать на лозу, — сказала Лиора.

Голос прозвучал сонно, но чисто. Пока чисто.

По обе стороны каменной дорожки певучие лозы свисали с парапета зелёными петлями. В обычное утро они поворачивали листья к каждому человеческому голосу. Теперь листья смотрели вниз, в белую пустоту пропасти. Ни один не дрогнул.

Тая Орш поставила ящик с резонаторами на землю и присела возле первой опорной плиты. Её короткие волосы были ещё влажными после умывания, а на левом рукаве темнело пятно пролитого чая.

— Камень тёплый, — сказала она. — Слишком тёплый.

— Ночью проходили обозы?

— Последний в третьем часу. Две телеги с мукой, пять человек. Дежурный записал обычный отклик.

Нара вытянула шею, стараясь разглядеть поверхность моста между взрослыми.

— Если отклик был обычный, почему он молчит?

— Именно поэтому ты останешься здесь, — ответила Лиора. — И запишешь всё, что мы услышим.

— Но отсюда ничего не слышно.

— Это тоже запиши.

Нара нахмурилась, однако достала из сумки дощечку и мел. Остальные три ученицы теснее прижались к арке. Они пришли на обычное занятие — учиться различать правду, на которой держится переход, и согласие, которым люди прикрывают страх. Вместо урока перед ними лежал мост, не отвечавший на собственную ноту.

Лиора сняла перчатку и коснулась камня.

Тепло было неправильным: не солнечным, не живым. Так нагревается горло после слишком долгой песни. Под ладонью едва заметно дрожал известняк. Ровный ритм опоры сбивался через каждые семь ударов.

— Тая.

— Уже считаю.

Настройщица раскрыла ящик. Внутри, в гнёздах из серой шерсти, лежали стеклянные вилки, медные язычки и маленькие чаши, каждая со своей нотой. Тая выбрала прозрачную вилку, прижала её основание к плите и щёлкнула ногтем по одному из зубцов.

Чистый звук растаял над дорожкой.

На седьмом ударе мост ответил сухим хрустом.

Поперёк камня, в шести шагах от арки, проступила тонкая чёрная черта.

Ученицы разом вдохнули.

— Назад, — приказала Лиора.

Они отступили, но Нара не опустила дощечку. Мел в её руке дрожал.

Трещина росла неторопливо, будто кто-то проводил по мосту острым пером. Дойдя до левой лозы, она раздвоилась. Одна ветвь ушла к парапету, другая нырнула под камень. Листья над ней побелели с краёв.

Из пропасти донёсся колокольчик.

Один удар. Потом второй.

С противоположного берега на мост уже вошли люди.

Туман скрывал их, но шаги различались отчётливо: тяжёлый каблук, лёгкая трость, шарканье подошв. Трое, решила Лиора. Возможно, больше. Между берегами было почти двести шагов, и с той стороны трещину могли ещё не видеть.

— Сигнальный рожок, — сказала она.

Тая протянула ей медную трубку, но, прежде чем Лиора успела поднести её к губам, из тумана раздался детский смех.

Лиора отбросила рожок.

— Нара, беги к смотрителю. Пусть перекроет обе арки и ударит аварийный сбор. Остальные — за ней.

— А вы?

— Я верну людей.

— Одна?

Тая выпрямилась и уже закрепляла на запястье ремешок переносного резонатора.

— У твоей наставницы есть дурная привычка забывать, что слово «одна» ко мне не относится.

Это должно было прозвучать весело. Никто не улыбнулся.

Нара посмотрела на Лиору. В её лице ещё оставалась детская надежда, что взрослый сейчас объяснит: опасность учебная, трещина предусмотрена, мост только притворяется больным. Лиора не стала предлагать ей удобную ложь.

— Мне страшно, — сказала она. — Поэтому я останусь у арки и не пойду дальше без опасной плиты. Тая будет считать нагрузку. А ты приведёшь помощь. Сделай свою часть.

Нара коротко кивнула и побежала.

Лиора дождалась, пока ученицы исчезнут за поворотом террасы, и только тогда ступила на первую плиту.

Мост не поднялся ей навстречу.

Обычно вес человека будил под камнем россыпь тихих созвучий. Они подтверждали: опора слышит путника, лоза готова принять его слова, противоположный берег существует. Сейчас под подошвой была немота — не отсутствие звука, а его тесная, болезненная изнанка.

Лиора почувствовала её сразу. Холодная заноза вошла под язык.

— Не глотай, — предупредила Тая.

— Знаю.

— Ты всегда знаешь за миг до того, как поступить наоборот.

Лиора выдохнула через нос. Спор помогал не слушать, как приближаются шаги в тумане.

— Дай основу.

Тая поставила резонатор на камень и повернула три кольца. Медные лепестки раскрылись. Из прибора потянулась тонкая нота — искомый ми-бемоль, слабый и ровный.

Лиора подхватила её закрытым ртом.

Сначала мост сопротивлялся. Звук уходил в камень, не оставляя следа, и возвращался в грудь тяжёлым воздухом. Лиора добавила верхнюю квинту, затем осторожно опустила голос к основанию. Петь громче было нельзя: сила не лечила немоту, а только загоняла её глубже. Нужно было найти край испорченного места и удержать вокруг него живую ткань созвучия.

Лоза справа подняла один лист.

— Есть отклик, — сказала Тая. — Четыре шага перед тобой. Не больше.

Из белой мглы показались три фигуры: пожилая женщина с тростью, мужчина с корзиной за спиной и девочка лет восьми, державшая обоих за руки. Они находились уже за серединой пролёта.

— Стойте! — крикнула Тая. — Не двигайтесь!

Мужчина остановился. Пожилая женщина по инерции сделала ещё шаг.

Чёрная линия подалась навстречу её ноге.

Лиора сменила ноту прежде, чем успела подумать. Она ударила голосом вниз, туда, где мост должен был помнить утреннее основание.

Ми-бемоль нашёлся — и тут же исчез.

Не оборвался. Не сорвался. Просто перестал принадлежать ей.

Боль была маленькой, почти аккуратной. Будто из горла вынули одно звено тонкой цепи. Лиора продолжала петь вокруг пустого места, обводя его соседними нотами, а мост наконец ответил. По лозам пробежало янтарное свечение. Трещина замерла в ладони от края юбки пожилой женщины.

— Назад, — сказала Лиора, но из её голоса выпало дно. Слово прозвучало легче, чем должно было.

Путники не поняли.

Тая повторила приказ, отчеканивая каждую фразу:

— Разворачивайтесь медленно. Не отпускайте рук. Наступайте только на светлые плиты.

Скажите друг другу одну вещь, в которой уверены сейчас.

Мужчина с корзиной оглянулся на девочку.

— Я доведу тебя домой.

Лоза возле его колена дрогнула, но не засветилась.

Он побледнел.

— Не обещание! — крикнула Лиора. — То, что уже правда.

Девочка потянула его за рукав.

— Ты держишь меня за левую руку.

Под её ногами вспыхнула тонкая зелёная жилка.

Пожилая женщина стиснула трость.

— Я сержусь, что вы потащили меня так рано.

Её плита отозвалась тёплым золотом.

Мужчина закрыл глаза на один удар сердца.

— Я не знаю, доведу ли вас. Но я не брошу корзину, если придётся нести госпожу Ремму.

— Корзину бросишь, — сказала пожилая женщина. — Меня понесёшь.

Свет соединил все три плиты.

Они двинулись обратно. Шаг, пауза, ещё шаг. Лиора держала вокруг них звуковой коридор, чувствуя, как немота царапает изнутри каждую низкую ноту. Тая называла расстояние и нагрузку. Когда путники скрылись в тумане у дальней арки, оттуда ударил аварийный колокол.

Только тогда Лиора позволила звуку стихнуть.

Мир качнулся. Тая успела схватить её за локоть и стащила с первой плиты на неподвижную террасу.

— Скажи «море», — потребовала она.

— Море.

— «Мёд».

— Мёд.

— Ми-бемоль.

Лиора открыла рот. В груди она слышала нужную высоту совершенно ясно. Тело помнило, куда направить дыхание, как освободить челюсть, сколько оставить пространства под языком. Но вместо ноты вышел сиплый воздух.

Тая закрыла глаза.

— Насовсем? — спросила Лиора.

— Если бы я знала, то уже ругалась бы точнее.

— Ты и так стараешься.

— Молчи.

— Вот этого пока не дождёшься.

Тая ощупала ей шею, приложила два пальца под челюстью, потом заставила сделать глоток из фляги. Вода отдавала железом.

Со стороны города донеслись голоса зрителей. Застучали сапоги. Кто-то растягивал поперёк дорожки красный шнур. Над крышами Центрального берега вспыхнуло первое солнце, и Сад Переправ сразу стал виден целиком: верхние террасы с павильонами, пять расходящихся дорог, тёмная чаша пропасти и мосты, похожие издали на ветви одного огромного дерева.

На трёх дальних переходах листья развернулись к свету.

На Эвровом — остались белыми.

Тая вернулась к трещине, теперь уже на коленях, не заходя за арку. Она провела над чёрной линией стеклянной вилкой и выругалась вполголоса.

— Что?

— Это не усталость лозы. Смотри.

У самого парапета трещина пересекала крошечный знак, вырезанный в камне. Лиора сначала приняла его за старую царапину: две дуги, соединённые короткой прямой. Но насечка была слишком ровной. Такие метки оставляли мостостроители над скрытыми ходами к ключу опоры.

Тая смахнула известковую пыль. Под дугами проступила третья линия — наклонная, как ветка под снегом.

— Рубежная школа, — сказала она. — Старый способ запечатывать расчёт.

— Эвров мост строили наши.

— Перестраивали наши. Основание закладывали вместе, после Перемирия.

Лиора знала одного рубежного мастера, который ставил такую наклонную черту. Все в Саду знали. Сава Ренн превратила её в подпись задолго до того, как получила право подписывать мосты официально.

Зрители подошли шумной группой. Впереди шёл начальник смены, за ним — двое стражников канцлера в серо-синих плащах. Один нёс доску с готовым приказом.

— Переход закрыт, — объявил начальник, словно Лиора могла с этим спорить. — По распоряжению канцелярии до выяснения причин закрываются все мосты Сада.

— Все? — Тая резко поднялась. — На трёх нормальный отклик.

— До выяснения причин.

Стражник прибил приказ к входной арке. Красная печать качнулась на шнуре. За их спинами собирались торговцы, носильщики, ученики, женщины с пустыми корзинами. Город просыпался и обнаруживал, что другие берега внезапно стали чужими странами.

Лиора посмотрела на белые листья, на тонкую трещину и на знак Савы Ренн под пальцами Таи.

Потом попробовала взять утраченную ноту ещё раз.

Внутри была только ровная, безупречная пустота.

И мост услышал её.

Глава 2. Мостостроительница с чужого берега

Сава Ренн пришла по закрытому мосту.

К полудню у Эвровой арки скопилась такая толпа, что зрители начали пускать людей на террасу по десять человек: получить отметку об отменённом переходе, выслушать обещание канцелярии и уйти ни с чем. Обещание менялось каждый час. Сначала мосты собирались открыть после осмотра, потом — к вечеру, потом — после особого распоряжения. Очередь не становилась короче. В ней стояли носильщики с остывающими коробами, матери учеников, садовники с пустыми тележками и лекарка, прижимавшая к груди синий ящик.

Лиора сидела в сторожевой комнате, пила тёплую воду и старалась не слушать, как за тонкой стеной люди упражняются в бесполезном терпении.

Тая запретила ей пробовать нижний регистр до завтра. Запрет был записан углём прямо на кружке: «НЕ ПОЙ». Ниже Лиора добавила: «КРУЖКА НЕ НАЧАЛЬНИЦА». Тая перечеркнула ответ и унесла все камертоны.

Оставалось рассматривать ведомость ночного обоза. Пять подписей, три телеги, обычный отклик на обоих концах. Ни один путник не сообщил о треске, белых листьях или сбившемся ритме. Дежурный записал силу свечения: шесть долей из восьми. Достаточно для груза. Недостаточно, чтобы понять, отчего спустя четыре часа мост начал принимать собственную немоту за основание.

За стеной люди вдруг стихли.

Не постепенно, как затихает спор при появлении стражи, а разом, волной от дальней лестницы к арке. Затем кто-то крикнул:

— На мосту человек!

Лиора вскочила. Горло отозвалось тупой болью. Она распахнула дверь и увидела Саву.

Та шла с Рубежного берега одна, без страховочной верёвки и без певца. Длинный серый плащ был перекинут через левое плечо, чтобы не мешать рукам. В правой руке Сава несла складной щуп, в левой — плоский кожаный футляр. Она двигалась не по середине дорожки, а вдоль парапета, наступая только на стыки старых плит. Перед каждым шагом касалась камня щупом и ждала.

Мост не светился.

Он отвечал ей иначе: коротким сухим звоном, который Лиора слышала даже сквозь гомон толпы. Один удар. Пауза. Два быстрых. Сава меняла положение ступни и шла дальше.

— Совсем разум потеряла, — сказала Тая рядом.

Она появилась с ящиком резонаторов и красной лентой зрителя на рукаве. Лиора не спросила, где Тая её добыла.

— С той стороны тоже закрыли арку, — сказала Лиора.

— Видимо, Ренн решила, что распоряжения канцлера действуют только на людей, не умеющих читать камень.

У трещины Сава остановилась. Чёрная линия за утро стала шире на волос и теперь пересекала дорожку целиком. Сава присела, положила ладонь на плиту, затем посмотрела прямо на Лиору.

Расстояние между ними было ещё шагов двадцать. Кричать через больное горло Лиора не собиралась. Она подняла обе руки: назад.

Сава отрицательно качнула головой.

Тая вытащила сигнальный рожок и дала один долгий звук. Возвращайтесь.

Сава раскрыла футляр, достала оттуда два металлических клина и вбила их по краям трещины рукоятью щупа.

— Она ставит меру, — сказала Тая. — Хочет увидеть, растёт ли разлом под весом.

— Под её весом.

— Рада, что твоя наблюдательность не пострадала.

Лиора шагнула к первой плите.

Тая перегородила дорогу ящиком.

— Даже не думай.

— Я не пою.

— Это не делает падающий мост прогулочной дорожкой.

Сава тем временем поднялась и продолжила путь. Толпа расступилась ещё до того, как она сошла с последней плиты. Один из канцлерских стражников схватился за рукоять дубинки, словно мостостроительница принесла с чужого берега войско, а не набор инструментов.

Вблизи Сава выглядела старше, чем на гравюрах из ремесленных вестников. У виска серебрилась узкая прядь. Под глазами лежали тени человека, который провёл ночь не в постели, а над расчётами. На правой перчатке белела известковая пыль.

Она остановилась перед начальником смены.

— Кто отвечает за осмотр?

— Переход закрыт распоряжением канцелярии, — начал тот.

— Я заметила верёвку.

— Вы нарушили...

— Кто отвечает за осмотр?

Лиора помнила этот голос. Семь лет назад, на общем состязании молодых мастеров, Сава таким же ровным тоном объяснила трём судьям, что их образцовый расчёт не выдержит телегу с мокрым зерном. Судьи обиделись. Расчёт не выдержал.

— Пока никто, — сказала Лиора.

Сава перевела на неё взгляд. Серые глаза задержались на шее, на кружке в руке, на угольной надписи.

— Что потеряли?

Ни приветствия, ни сожаления. Лиора почти обрадовалась.

— Ми-бемоль внизу.

Сава нахмурилась.

— Полностью?

— Проверишь лично?

— Нет. Я не врач и не настройщица.

Тая чуть заметно кивнула, принимая правильный ответ.

Начальник смены попытался вернуть себе разговор:

— Госпожа Ренн, до прибытия комиссии никто не имеет права касаться опоры.

Сава протянула ему футляр.

— Тогда арестуйте мои инструменты. Только не кладите рядом с магнитами.

Он не взял футляр.

— Метка ваша? — спросила Лиора.

Вопрос подействовал лучше приказа. Сава посмотрела на чёрную линию у арки, где Тая расчистила насечку. На одно мгновение её лицо стало неподвижным — не спокойным, а запёртым.

— Мой способ ставить подпись, — ответила она. — Не моя метка.

Лоза над трещиной шевельнулась.

Лиора почувствовала отклик в горле. Не свет, не полноценное созвучие — слабое касание, будто лист проверил направление ветра.

— Удобное различие, — сказала она.

— Точное.

Сава опустилась возле арки, не дожидаясь разрешения, и осмотрела знак через увеличительное стекло. Стражник сделал шаг к ней, но Тая подняла красную ленту.

— Аварийная настройка. Если вмешаетесь, распишетесь за последствия.

Стражник остановился. Канцелярия любила подписи меньше, чем приказы.

Сава провела иглой по наклонной черте и собрала на бумагу крупички пыли.

— Насечке не семь лет, — сказала она. — Ей меньше суток.

— Откуда уверенность?

— В старой резьбе была бы садовая соль. Здесь свежий известняк.

— Значит, кто-то скопировал вашу подпись ночью?

— Не подпись. Указатель доступа.

— И случайно выбрал ваш способ?

Сава убрала иглу.

— Случайности редко умеют держать резец.

Толпа снова загудела. Слово «подделка» передавали от одного человека к другому, хотя никто его не произнёс. Начальник смены велел очистить террасу. На этот раз стражники взялись за дело охотно.

Лекарка с синим ящиком не двинулась.

— Там инсулиновая настойка для троих детей, — сказала она, указывая на Рубежный берег. — Лёд растает к вечеру.

— Обход через Северный спуск, — ответил начальник.

— Шесть часов вниз и четыре вверх. Она испортится.

— Я не могу открыть мост.

— А я не могу вылечить приказом.

Сава посмотрела на ящик, потом на закрытый пролёт. В её лице ничего не изменилось, но пальцы сильнее сжали футляр.

— В нижней грузовой опоре есть холодный шкаф, — сказала она. — Если доставить ящик туда до третьего часа, настойка выдержит ночь.

— Нижняя опора запечатана, — возразил начальник.

— Ключ у смотрителя западной лестницы. Ренн, двенадцать медных створок, третья заедает.

Лекарка уже бежала к лестнице. Начальник смены открыл рот, но решил не тратить приказ на удаляющуюся спину.

Лиора заметила, что Сава не спросила, кому предназначалось лекарство и почему его не отправили раньше. Она решила задачу, не потребовав исповеди. Это не делало её невиновной в происходящем. Но мешало превратить в удобного врага.

— Нам нужна закрытая мастерская, — сказала Тая. — И ведомость перестроек Эвров моста.

— Ведомость канцелярия изъела утром, — ответил начальник.

— Тогда мастерская и человек, способный принести ведомость обратно.

Он посмотрел на стражников. Те изучали облака.

— Полчаса, — сказал начальник. — Потом придёт советник канцлера.

— Значит, у нас двадцать девять минут, — сказала Сава.

*

В мастерской пахло мокрой верёвкой, маслом и мятой. Последняя росла в ящике на окне, потому что прежний смотритель верил: живое растение раньше человека чувствует немоту. Мята выглядела здоровой и к расследованию относилась без участия.

Тая заперла дверь и выставила на стол три предмета: стеклянную вилку, осколок известняка с края трещины и лист из ночной ведомости. Сава положила рядом свои клинья. Рассто-

яние между насечками на них не совпадало: разлом расширился на толщину двух волос за те минуты, пока она шла от трещины к арке.

— Вес ускорил рост? — спросила Лиора.

— Нет. Я ставила меру до и после седьмого удара. Расхождение появилось в паузе.

Тая повернула к ней стеклянную вилку.

— На первом осмотре мост сбивался через семь ударов.

— Теперь через шесть.

Лиора перестала греть ладони о кружку.

— Ты проверила это, пока шла?

— Иначе зачем было идти?

— Чтобы эффектно нарушить запрет.

— Для эффекта я выбрала бы шляпу.

Тая кашлянула, скрывая смех. Лиора обнаружила, что тоже едва не улыбается, и рассердилась ещё сильнее.

Сава сняла плащ. Под ним оказался тёмный рабочий жилет со множеством узких карманов. На левом плече серебряной нитью был вышит знак Рубежной гильдии, но поверх него лежал свежий чёрный стежок — временное отстранение от имени берега.

— Тебя прислали? — спросила Лиора.

— Нет.

— Значит, на Рубеже уже знают.

— На Рубеже знают, что Центральный берег закрыл все пути и первым делом обвинил чужую кладку. Этого хватило.

— Я не обвиняла кладку.

— Ты спросила о метке при сотне свидетелей.

— Тридцати семи, — сказала Тая. — Я считала.

Сава взглянула на неё.

— Это должно помочь?

— Нет. Но мы здесь занимаемся точностью.

Лиора поставила кружку на подоконник.

— Тогда точно: на мосту появляется ваш старый указатель доступа, в основании растёт мох, а вы приходите прежде комиссии и знаете запечатанный грузовой ход. Что бы ты решила на моём месте?

— Что мостостроительница знает мосты.

— И больше ничего?

— Ещё то, что ты устала и хочешь получить виноватую раньше причины.

Слова попали глубже, чем должны были. Лиора почувствовала, как горло сжимается вокруг отсутствующей ноты.

— А ты хочешь причину без вопросов.

— Я хочу вопросы, на которые измерение отличает ответ от красивого жеста.

Тая ударила ногтем по стеклянной вилке.

— Вот вам измерение.

Чистый звук наполнил комнату. Она прижала основание вилки к осколку камня. Первые пять колебаний прошли ровно. На шестом появилась шероховатость. На седьмом камень ответил слишком громко.

Сава мгновенно наклонилась к столу.

— Ещё раз.

Тая повторила.

На этот раз Сава положила рядом медную пластину и касалась её стилем после каждого удара. Шесть тонких линий легли параллельно. Седьмая ушла в сторону.

— Это не трещина повторяет ритм, — сказала она. — Это ключ опоры пытается пере-
считать нагрузку.

— Ключ не меняет расчёт сам, — возразила Лиора.

— Исправный — нет.

Сава развернула ночную ведомость. Под таблицей отклика стоял отпечаток дежурного и три дорожных утверждения, записанных для тяжёлого обоза: «Груз взвешен», «Ось укреп-
лена», «Путь согласован». Все короткие, проверяемые, совместимые.

— Кто говорил первым? — спросила она.

— Возница с Рубежа, — ответила Лиора. — Затем наш весовщик.

— А ключ должен был считать со стороны Центрального берега. После ремонта двена-
дцать лет назад направление изменили.

Тая достала из ящика старую схему. По её краям расплзлись масляные пятна, но стрелка
у входной арки была различима.

— Верно. Начало здесь.

— Ночью мост принял противоположный голос за первый, — сказала Сава. — Утром
попытался исправиться, когда Лиора дала ему прежнее основание. Поэтому немота вошла в
ноту.

Лиора посмотрела на семь линий на меди.

— Почему ошибка появилась сейчас?

— Потому что кто-то открыл доступ к ключу и изменил порядок.

— Через указатель, похожий на твой.

— Через указатель, сделанный человеком, который видел мои учебные чертежи.

— Таких сколько?

— Пол-Рубежной гильдии. Несколько ваших архивистов. Двое мастеров умерли.

Она сказала это без колебания. Лоза здесь не росла, камень не мог подтвердить её уве-
ренность. Но Лиора услышала едва заметную паузу перед словом «архивистов».

— А старый ключ ты видела? — спросила она.

Сава встретила её взгляд.

— Да.

— Когда?

— При закладке основания семь лет назад.

— Ты участвовала в перестройке?

— Я проверяла боковой отвод.

— В ведомости твоего имени нет.

— Потому что работу выполняла Рубежная сторона, а принимала Центральная. Тогда
это считалось жестом доверия.

— Очень удачным жестом. Никто ни за что не отвечает.

— Я отвечаю за свой расчёт.

— Покажи его.

Сава замолчала.

Это была не долгая пауза, но в ней изменилось всё. До неё они спорили о камне, ритме
и записях. После неё между ними встало нечто, чему Сава не хотела давать имя.

— Архив на Рубежном берегу опечатан, — сказала она.

— Ты знаешь расчёт наизусть.

— Достаточно, чтобы найти дефект. Недостаточно, чтобы отдать тебе непроверенную
копию.

— Ты только что перешла аварийный мост ради измерения в две волосины.

— Именно поэтому не стану притворяться, будто память — документ.

Лиора обошла стол. Сава была выше неё на полголовы, и вблизи от её одежды пахло холодным камнем и дымным мылом. Лиора остановилась раньше, чем расстояние стало личным.

— Что находится за боковым отводом?

— Полость разгрузки.

— Только?

— Нет.

Тая перестала перекладывать инструменты.

— Что ещё? — спросила Лиора.

Сава посмотрела на дверь, словно могла увидеть сквозь неё мост, толпу и стражу.

— Второй узел ключа.

— На схеме один.

— Поэтому я и пришла.

В коридоре застучали сапоги. Кто-то потребовал открыть мастерскую именем канцлера.

Тая сложила схему пополам и прижала ладонью.

— Через пять минут сюда войдёт советник и превратит каждый факт в удобный приказ.

У нас есть способ проверить второй узел отсюда?

Сава быстро оглядела инструменты.

— Есть учебный макет опоры?

— В школе, — сказала Лиора.

— Тогда нужен образец с обоих концов трещины и три голоса.

— У тебя два, — сказала Тая. — Лиоре петь нельзя.

— Мне не нужен певец. Нужны три разных утверждения с одинаковым предметом.

За дверью снова ударили кулаком.

— Открывайте!

Лиора взяла ночную ведомость.

— Здесь три утверждения.

Сава покачала головой.

— Они уже прошли через повреждённый ключ. Нам нужны новые.

— О чём?

— О трещине. Один человек описывает видимое, второй — измеренное, третий — то, чего не знает.

Тая нахмурилась.

— Незнание мост не держит.

— Если человек действительно знает границу знания, ключ обязан принять её как форму.

— Обязан? — переспросила Лиора.

— Исправный.

В этом слове прозвучал вызов. Не Лиоре — мосту.

Тая сунула осколок в мешочек и спрятала схему под жилет.

— В школе есть боковой выход через красильню.

— Канцелярия поставит наблюдение у главного, — сказала Лиора.

— Поэтому я и упомянула боковой.

Дверь содрогнулась. Засов был старый и долго не выдержал бы.

Сава накинула плащ.

— Я останусь. Вас выпустят.

— А тебя задержат как нарушительницу.

— Это даст вам время.

Лиора услышала в предложении привычку. Сава принимала на себя решение раньше, чем остальные успевали согласиться, а потом называла это ответственностью. Та же привычка

жила и в самой Лиоре — только вместо закрытого моста у неё обычно был звук, который никто не просил брать в горло.

— Нет, — сказала она. — Либо опыт общий, либо его не будет.

— У нас нет времени обсуждать доверие.

— Это не доверие. Это условия работы.

Сава прищурилась.

— Какие?

— Ты не исчезаешь с единственным расчётом и не решаешь за нас, какую цену мы готовы заплатить. Тая останавливает опыт при первом отклонении. Я не пою. Все записи остаются в двух копиях.

— И доступ к мосту?

— Только с разрешения всех троих.

— Канцлер разрешения не даст.

— Я сказала всех троих, а не всех людей на свете.

На этот раз Сава улыбнулась. Совсем немного, одним уголком рта, но комната вдруг стала теснее.

— Принимаю, — сказала она.

Лиора первой отвела взгляд.

Тая распахнула окно. Под ним тянулся узкий служебный карниз, ведущий к крыше красильни.

— Ненавижу, когда профессиональные договоры заключают красиво, — проворчала она.

— Потом люди забывают проверить страховку.

Она закрепила верёвку за балку и дёрнула дважды.

Дверь треснула.

— Тая, первая, — сказала Лиора. — С образцом.

— Я последняя. Иначе вы обе немедленно совершите что-нибудь содержательное и смертельно глупое.

Сава перекинула ногу через подоконник.

— Тогда Лиора первая.

— Я умею лазать по собственным террасам.

— Не сомневаюсь. Но у тебя кружка.

Лиора посмотрела на всё ещё зажатую в руке кружку с надписью «НЕ ПОЙ». Оставлять её советнику канцлера казалось неправильным. Она сунула кружку за пояс и выбралась на карниз.

Внизу шумела толпа. Над пропастью лежали пять неподвижных мостов. Ни один лист не поворачивался к голосам.

Сава вышла следом и прикрыла окно как раз в тот миг, когда засов мастерской сломался.

Они двинулись вдоль стены: Лиора впереди, Сава на расстоянии вытянутой руки, Тая замыкала путь. Камень под подошвами был сухим и надёжным. И всё же Лиора острее, чем над пропастью утром, чувствовала чужое присутствие за спиной.

На крыше красильни Сава остановилась и посмотрела на Эвров мост. С этой высоты чёрная трещина казалась тонкой чертой, которую можно стереть ладонью.

— Двое суток, — сказала она.

— На что?

— Ритм уже сократился с семи ударов до шести. Если сокращение продолжится, через двое суток ключ начнёт пересчёт без паузы. Тогда треснет не один пролёт. Сеть попытается согласовать с ним остальные мосты.

Лиора проследила взглядом пять дорог, сходящихся над белой глубиной.

— Почему ты не сказала это в мастерской?

— Потому что за дверью стояли люди канцлера.

— А теперь за соседним дымоходом наверняка сидит их наблюдатель.

Сава взглянула на дымоход.

Оттуда с сердитым писком вылетел голубь.

— Ошиблась, — сказала Лиора.

— Запиши. Возможно, это пригодится мосту.

Тая спрыгнула на крышу между ними.

— Я запишу другое: дефект в ключе опоры, возможен каскад, на проверку сорок восемь часов. А ещё у вас обеих отвратительное чувство времени.

Снизу прозвучал усиленный рупором голос советника:

— По поручению канцлера Эдрана Мелла создаётся чрезвычайная комиссия. Певица Лиора Вейн и мостостроительница Сава Ренн обязаны явиться в канцелярию к четвёртому часу.

Лиора посмотрела на солнечные часы башни. До четвёртого оставалось меньше двух часов.

— Нам официально дали двое суток? — спросила она.

— Пока нет, — сказала Сава.

— Значит, сначала убедим комиссию, что выбор у неё уже сделан.

Она пошла к лестнице красильни. В горле по-прежнему зияло место утраченной ноты, но теперь у пустоты появился ритм: шесть ударов и пауза.

Пока пауза существовала, у них оставалось время.

Глава 3. Школа, которую хотят купить

У Школы голосов было две двери: парадная, которую Лиора не могла починить третий год, и кухонная, которую никто не запирает.

К четвёртому часу у парадной стояли два канцлерских экипажа. У кухонной ждала Нара с деревянной ложкой в руке.

— Я решила, что это оружие, — сообщила она, впуская Лиору, Таю и Саву. — Потом вспомнила, что суп жалко.

В тесной кухне пахло чечевицей и воском для нотных дощечек. За стеной шептались ученицы. Обычно к этому часу младшие распевались перед вечерними переходами, старшие спорили из-за партий, а Тая стучала по трубам, требуя не сливать горячую воду. Теперь в классах было тихо. При закрытых мостах родные забрали тех, кто жил на Центральном берегу. Семеро иногородних остались в школе: возвращаться им было некуда.

Лиора положила кружку «НЕ ПОЙ» на стол.

— Почему канцлерские экипажи здесь?

— Советник приехал раньше вас. Сказал, комиссия состоится в вашем зале, потому что вы не явились в канцелярию.

— Мы ещё не опоздали.

— Он сказал, что предвидел вашу недисциплинированность.

Тая сняла с плеча сумку с образцами.

— Удобный талант. Главное — назначить время задним числом.

Нара посмотрела на Саву. Не с любопытством, а так, как смотрела на нового преподавателя перед первым уроком: что умеет, чего потребует и можно ли при ней ошибаться.

— Это она перешла закрытый мост?

— Это я, — сказала Сава.

— Зачем?

— Чтобы измерить трещину с обеих сторон.

— Получилось?

— Да.

Нара кивнула, приняв ответ. Лиора ожидала следующего вопроса — почему Сава знала о втором узле, почему её знак оказался на камне, почему Рубеж обвиняли прежде начала расследования. Но Нара спросила другое:

— Вы будете проводить опыт на нашем учебном макете?

— Если наставница разрешит.

— Тогда не ставьте клин в левый паз. Он зимой разбух и теперь врёт на четверть тона.

Сава впервые за день растерялась.

— Спасибо.

Нара поставила ложку обратно в кастрюлю.

— Тех, кто нас покупает, я посадила в большой класс. Тех, кто нас охраняет, — в коридоре. Они пока думают, что это одни и те же люди.

Она ушла за стену. Сава проводила её взглядом.

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Она всегда так разговаривает?

— Только когда вежлива, — ответила Тая.

Лиора открыла шкаф над мойкой. На нижней полке лежала коробка с деньгами школы. Она пересчитывала их утром, до трещины: на жалованье Тае, дрова и питание оставшихся учениц хватало на восемнадцать дней. Если мосты не откроют, плата за сопровождение пут-

ников исчезнет, а семьи с других берегов перестанут вносить обучение. Восемнадцать дней превратятся в десять.

Сава не заглядывала ей через плечо. Просто ждала у двери.

— В большом классе будет комиссия, — сказала Лиора. — Про второй узел пока не говорим.

— Почему?

— Потому что у нас есть предположение и образец, но нет проверки. Если Эдран узнает раньше, он опечатает макет вместе со школой.

— Разумно.

— Не удивляйся так заметно.

— Я старалась незаметно.

Лиора заперла шкаф. Ей хотелось ответить, но за стеной раздались размеренные хлопки. Кто-то проверял акустику класса, словно уже владел им.

*

Канцлер Эдран Мелл сидел за преподавательским столом.

Он приехал без мантии и цепи должности, в сером дорожном сюртуке, будто заглянул по-соседски обсудить протекающую крышу. Серебро на висках, спокойные руки, мягкий голос — всё в нём обещало, что неприятное решение будет принято без неприятных чувств.

Вдоль стены стояли трое членов комиссии: начальница мостовой стражи, архивист и казначей Центрального берега. Советник, выбивший дверь мастерской, листал школьный журнал. Семеро оставшихся учениц заняли задние скамьи. Нара сидела посередине и держала на коленях чистую дощечку.

— Лиора, — сказал Эдран. — Рад, что вы всё-таки присоединились к нам.

— В моём классе это обычно говорят мне.

Она не попросила его освободить стол. Просьбу можно было отклонить. Лиора подошла, взяла коробку с мелом из-под его локтя и написала на доске:

ШЕСТЬ УДАРОВ. ВОЗМОЖНЫЙ КАСКАД — ДВОЕ СУТОК.

Разговоры стихли.

— На первом осмотре было семь, — сказала начальница стражи.

— Верно. К полудню стало шесть. Повреждение находится в ключе опоры. Нужны ведомости всех вмешательств за двенадцать лет, доступ к обоим концам Эврова моста и два дня без самовольного изменения сети.

Эдран посмотрел не на доску, а на Лиору.

— Голос?

— Потеряна одна нижняя нота. Тая запретила мне петь до осмотра.

— Разумно, — сказал канцлер тем же тоном, каким Сава недавно одобрила её молчание.

— Вы получите ведомости и доступ. Госпожа Ренн останется под надзором комиссии.

— Под нашим общим надзором, — уточнила Лиора. — Мы заключили рабочее соглашение.

Казначей тихо хмыкнул.

— С нарушительницей карантина?

— С единственной мостостроительницей, которая измерила трещину с двух сторон.

— Потому что нарушила карантин.

— Карантин, который ваша стража объявила, не измерив скорость разлома.

Начальница стражи выпрямилась, но Эдран поднял два пальца, и спор не начался.

— Доступ будет, — повторил он. — Вопрос в том, кто обеспечит порядок, пока вы ищите причину.

Советник разложил на столе пять плотных листов. На верхнем золотом тиснением был выведен новый знак: пять одинаковых раскрытых ртов вокруг арки.

Лиора узнала рисунок с городских объявлений.

— «Хор согласия», — сказал Эдран. — Мы готовили его к празднику, но обстоятельства требуют раннего запуска. На каждом входе путник ответит на несколько проверочных вопросов. Ответы создадут устойчивую основу, а обученные певцы примут несовпадения прежде, чем те войдут в лозу.

— Обученные где?

— Здесь.

Теперь хлопки у стены обрели смысл. Советник не проверял акустику. Он измерял класс.

Эдран придвинул к Лиоре нижний лист. Там стояли суммы, от которых у неё свело пальцы: ремонт крыши, жалование на два года, новая лечебная комната для голосов, места для двадцати учениц с дальних берегов. В самом конце — выкуп долга за здание. Школа больше не зависела бы от случайных заказов и щедрости семей.

— Канцелярия учреждает службу пограничного пения, — продолжил он. — Ваша школа станет её учебным центром. Вы сохраните руководство и программу. Взамен ученики старше шестнадцати лет будут проходить практику в Хоре.

На задней скамье кто-то вдохнул слишком резко.

Лиора не обернулась. Если она посмотрит на Нару, канцлер увидит не ученицу, а довод.

— Какие вопросы задают путникам?

— Их уточнит комиссия.

— Назовите один.

— Лиора, сейчас не время спорить о формулировках.

— Мосты существуют из-за формулировок.

Эдран вздохнул, словно она вынуждала его быть менее деликатным.

— Есть ли у вас намерение причинить вред другому берегу? Соответствует ли заявленный груз настоящему? Скрываете ли вы обстоятельство, способное повлиять на безопасность перехода?

Последний вопрос лёг на класс тяжёлым предметом.

Скрываете ли вы обстоятельство.

Лиора вспомнила Ильюму, которая каждый год перед Согласием Берегов снимала с витрины портрет матери, чтобы покупатели не спрашивали, куда та исчезла. Вспомнила собственные ответы: «Мы не знаем», когда верным было и это, и «Мы не обязаны рассказывать вам всё, что знаем».

На другом конце стола Сава стояла неподвижно. Только большой палец тёр чёрный стержок на плече.

— Кто решает, что обстоятельство влияет на безопасность? — спросила Лиора.

— Дознаватель.

— А если путник отказывается отвечать?

— Тогда переход откладывается до проверки.

— То есть мост станет держаться на том, что человек докажет право пройти, раскрыв достаточно личного.

— Мост и сейчас требует правды.

— Совместимой правды. Не полной.

— Трещина показала, что прежней меры недостаточно.

Эдран коснулся листа с суммами.

— Вы много лет просили признать пение ремеслом, а не украшением церемоний. Я предлагаю признание. Защиту. Средства. Право обучать тех, кто будет удерживать всю сеть.

Каждое слово было правдой. Именно поэтому предложение пугало сильнее угрозы.

Лиора посмотрела на потолок. Над дальней балкой расплзлось влажное пятно. Зимой они подставляли под него таз; во время урока капли попадали в размер, и младшие сбивались

со смеху. На третьей скамье была вырезана звезда — работа Нары в первый год. Тая заклеила трещину на окне синей смолой. Школа держалась на починках, долгах и людях, которые всегда могли уйти.

Подпись сделала бы её надёжной.

И перестала бы делать её их школой.

— Ученицы не будут дознавателями, — сказала Лиора.

— Они будут певцами.

— При вопросах, на которые человек обязан ответить, чтобы пройти. Название не меняет работу.

Казначей сложил руки на животе.

— Тогда назовём это платой за общественную безопасность.

— Плата известна заранее и одинакова для всех. А вы предлагаете человеку узнать цену у закрытого моста, перед вооружённой стражей.

— Предлагаете оставить берега отрезанными? — спросила начальница.

— Предлагаю сначала выяснить, почему сломан ключ.

— За двое суток?

— За сорок шесть часов, — поправила Тая. — Два вы уже потратили на эту комиссию.

Эдран перевёл взгляд на неё.

— Госпожа Орш, средства включают вашу мастерскую и жалованье настройщиков.

— Тогда я особенно внимательно послушаю, что за них требуется.

— Ничего, кроме службы городу.

Тая подняла со стола лист и прочла мелкую строку внизу.

— «Оборудование, помещения и учебные материалы переходят под оперативное управление канцелярии на период угрозы». Период заканчивается чьей подписью?

Советник перестал листать журнал.

— Канцлера.

— Значит, не заканчивается сроком, — сказала Тая.

Лиора ощутила благодарность настолько острую, что почти заболело горло. Тая не спрашивала, трудно ли отказаться от крыши и жалованья. Она нашла петлю в договоре и показала её всем.

Эдран собрал листы в ровную стопку.

— Я не требую ответа немедленно.

— Требуете, — сказала Нара с задней скамьи.

Советник резко повернулся.

Нара встала. Дощечка осталась у неё на коленях, и на ней крупно было написано: ЕСЛИ МЫ ОТКАЖЕМСЯ, КТО БУДЕТ ПЛАТИТЬ ЗА ДРОВА?

— Простите, наставница. Но это и есть немедленно. Сегодня повариха сказала, что привезли половину обычного мешка. Мосты закрыты. Мы уже знаем цену отказа, просто господин канцлер не произнёс её вслух.

Лиора почувствовала, как в ней поднимается привычное желание защитить: сказать, что ученицам не о чем тревожиться, что взрослые решат, что еда и тепло найдутся. Красивый жест вместо измеримого ответа.

— Ты права, — сказала она. — Денег при закрытых мостах хватит примерно на десять дней.

По классу прошёл шорох.

— Восемнадцать при обычной работе, — добавила Тая.

— И что будет потом? — спросила одна из младших.

Лиора могла сказать «не знаю». Сава утром предложила признать границу знания как форму правды. Но одной границы было мало, если рядом сидели дети, зависевшие от её решений.

— Потом мы сократим расходы, попросим семьи с этого берега внести плату раньше и перенесём часть занятий в семенной дом моей сестры, если она согласится. Завтра я выставлю открытый счёт школы. Вы увидите каждую сумму. Никто из вас не обязан вступать в Хор ради места и еды.

Она повернулась к Эдрану.

— Школа не принимает предложение.

Тишина после отказа была иной, чем немота в мосту. Она не ломала звук. Она оставляла место последствиям.

Канцлер медленно поднялся из-за преподавательского стола.

— Тогда канцелярия не может гарантировать охрану частного учреждения во время чрезвычайного положения.

— Ваши люди уже у двери.

— Они сопровождают комиссию. Мы уйдём вместе.

— А ученицы с других берегов?

— Центральный берег безопасен. Пока они соблюдают распоряжения.

Он надел перчатки.

— Доступ к Эврову мосту вы получите на рассвете. Ведомости — после проверки архивом. Госпожа Ренн останется с вами до истечения двух суток. Если причина не будет найдена, Хор начнёт работу независимо от участия школы.

Сава впервые вмешалась в разговор:

— Запускать новую схему на сети с повреждённым ключом нельзя.

— Поэтому вы найдёте повреждение.

— А если ведомости придут поздно?

— Тогда вам придётся полагаться на память, госпожа Ренн.

Вежливость в его голосе не изменилась, но Лиора увидела, как Сава убрала палец с чёрного стежка. Канцлер знал, куда надавить. Возможно, не знал саму тайну — только её форму.

Эдран направился к двери. Возле Нары он остановился.

— Вашей наставнице повезло с честными ученицами.

— Нам повезло, что она не требует рассказывать всё, — ответила Нара.

Советник захлопнул журнал. Комиссия вышла, за нею — стражники из коридора. Через окно было видно, как они садятся в экипажи. Ни один человек не остался у школьных ворот.

Тая закрыла дверь, которая всё ещё плохо держалась в раме.

— Поздравляю, — сказала она. — Теперь нас официально не охраняют от угрозы, о которой официально никто ничего не знает.

Лиора смотрела на лист с предложением. Эдран оставил его на столе. Суммы никуда не исчезли от того, что она сказала «нет».

— Я могла согласиться на два дня, — произнесла она. — Получить ведомости, защиту, деньги. Потом спорить об условиях.

— Могла, — сказала Тая.

Она не добавила утешения.

— А потом канцелярия управляла бы школой до конца угрозы, который определяет канцелярия, — сказала Нара.

— Это тоже правда.

Лиора сложила договор пополам и убрала в журнал долгов. Не как возможность. Как запись о цене.

— Сегодня никто не уходит один. Нара, составь список, кому можно передать записки на этом берегу. Остальные переносят тюфяки из верхней комнаты подальше от окон. Тая, сколько времени нужно на макет?

— Если Сава не поставит клин в левый паз — час.

— Я уже получила предупреждение, — сказала Сава.

— Хорошо. Через час проверяем второй узел.

— Нам нужны три утверждения, — напомнила она. — Видимое, измеренное и граница знания.

Лиора посмотрела на учениц, которые уже двигали скамьи. Они слышали про десять дней, про снятую охрану и про Хор, способный прийти без их согласия. Никто не выглядел успокоенным. Зато каждый знал, что происходит и что может сделать сейчас.

— Возьмём не наши голоса, — решила она. — Наши уже связаны с расследованием. Пусть говорят ученицы — добровольно и только о макете.

Сава кивнула.

— Так будет чище.

— И если опыт сработает, школа докажет свою пользу без продажи Хору.

— А если не сработает?

Вопрос не был вызовом. Сава оставила его открытым, не подсовывая Лиоре храбрость вместо ответа.

— Запишем неудачу, — сказала Лиора. — И найдём следующий опыт.

Снаружи стукнули колёса последнего экипажа. Почти сразу внизу заскреблась парадная дверь. Лиора насторожилась, но в класс вошла пожилая соседка с корзиной поленьев.

— Видела, ваши важные гости уехали, — сказала она. — Значит, опять не договорились. Это на кухню?

За нею появился булочник с мешком муки. Потом красильщик принёс два мотка плотной ткани для окон. Никто не произносил речей. Люди просто входили через неисправную дверь и называли, что могут оставить.

Лиора не стала говорить, что всё будет хорошо. Вместо этого Нара открыла чистую страницу журнала и записала: поленья — двадцать четыре, мука — один мешок, ткань — два мотка.

Тая унесла образцы в малый класс. Сава задержалась у стола.

— Ты отказалась слишком быстро, — тихо сказала она.

— Думаешь, надо было согласиться?

— Думаю, ты знала ответ до того, как посчитала цену.

Лиора взглянула на неё.

— А ты обычно считаешь, пока не получишь нужный ответ?

Чёрный стежок на плече Савы будто стал темнее.

— Однажды получила, — сказала она. — Больше не хочу.

Она ушла вслед за Таей, прежде чем Лиора успела спросить.

В окне между крышами виднелся неподвижный край Эврова моста. До рассветного доступа оставалась ночь, до возможного каскада — меньше сорока шести часов. Школу больше не охраняли, договор лежал среди долгов, а ключ опоры продолжал пересчитывать собственную ошибку.

Но внизу уже кололи принесённые дрова. В малом классе звякнул учебный камень. Нара ровным голосом спрашивала, кто из учениц хочет участвовать в опыте, и после каждого имени добавляла:

— Отказ тоже записываем.

Лиора прислушалась к этой фразе.

Мостам предстояло научиться тому же.

Глава 4. Чайная у закрытого пути

К полуночи учебный камень ответил на три честных голоса и ни разу — одинаково.

Нара сказала, что видит белую прожилку у края. Девочка с младшего курса насчитала четыре удара до дрожи. Третья ученица призналась, что не понимает, почему камень нагрелся. Лоза обвила макет ровно, оставив возле её пальцев маленькую петлю, похожую на знак вопроса.

— Значит, граница знания годится, — сказала Тая и перевернула песочные часы. — А твой голос всё ещё не годится ни для чего, кроме коротких распоряжений.

Лиора промолчала. Спорить с настройщицей после полуночи было бесполезно, особенно когда настройщица права.

Сава сняла с учебной опоры медные зажимы. Она ни разу не предложила Лиоре проверить результат песней и не пыталась уговорить учениц сказать больше, чем требовал опыт. Когда одна из младших начала объяснять, почему боится ошибиться, Сава остановила её:

— Причина не нужна. Достаточно: «Я не хочу продолжать».

Это были всего семь слов. Лиора запомнила их точнее, чем формулы на доске.

К рассвету Эдран действительно открыл им доступ к Эврову мосту — но только к закрытой чайной у центральных ворот. Стража поставила поперёк дорожки решётку, за которой в тумане серела первая арка. Дальше начинался карантинный настил. Прикасаться к нему без надзора запрещалось.

Хозяйка чайной, госпожа Мева, встретила их в переднике и с таким видом, будто закрытие пяти мостов было неприятной погодой, которую следовало переждать за работой.

— Раз уж путников не пускают, будете расспрашивать тех, кого не пустили, — сказала она. — Только чай оплачиваете. Бедствие бедствием, а корица сама в котёл не прыгает.

Внутри пахло грушевой кожурой, мокрой шерстью и вчерашними углями. За шестью столами сидели люди, застрявшие по эту сторону: возчик лекарств, две сестры-красильщицы, посыльный с кожаной сумкой, старик с клеткой сонных перепёлок и женщина, которая второй день пыталась попасть домой к сыну. Некоторые ночевали здесь. На лавках лежали свёрнутые плащи, у печи сушились носки.

На стене висела доска переходов. Все названия были перечёркнуты мелом.

— Канцелярия уже спрашивала нас, — сказала женщина. — Имён мало? Теперь песни будут вытягивать?

Лиора почувствовала, как люди смотрят на её горло. Слух о потерянной ноте успел пройти быстрее любого моста.

— Петь никто не будет, — ответила она. — Имена нам тоже не нужны. Мы ищем ритм поломки. Можно отвечать только о том переходе, который вы видели. Можно не отвечать совсем.

— А пройти потом позволят тем, кто помог?

— Нет. Я не могу этого обещать.

Недовольство за столами стало почти осязаемым, однако никто не ушёл. Уходить им всё равно было некуда.

Тая разложила на стойке бумажные полоски трёх цветов. Белая означала увиденное, синяя — измеренное, серая — то, чего человек не знал или не хотел сообщать. Сава поставила рядом деревянную модель арки и вынула из футляра малый резонатор.

— Мы не будем записывать содержание личного ответа, — сказала она. — Только момент, когда мост отозвался, и место на настиле.

— Канцелярия заберёт ваши записи, — заметил посыльный.

— Поэтому копий две, — ответила Тая. — Одна останется у хозяйки чайной.

Мева, не спрашивая разрешения, достала из-под стойки жестяную коробку для сахара.

Первым согласился возчик лекарств. Он проходил Эвров мост ночью, перед самым закрытием, и помнил, что лошади шарахнулись у третьего фонаря.

— Что вы тогда сказали? — спросила Лиора.

— Стражнику? Что везу жаропонижающее.

— Это было правдой?

Возчик нахмурился.

— Вы же сказали, без допроса.

— Да. Снимаю вопрос.

Лиора положила перед ним серую полоску. Он посмотрел на неё, потом взял белую.

— Я видел, как лоза над третьим фонарём побелела. Вот что вам нужно.

Сава отметила место на схеме. Малый резонатор отозвался шестью ровными щелчками и седьмым, едва слышным.

Красильщицы шли утром предыдущего дня через Северный мост. Одна помнила голубую вспышку под перилами, другая утверждала, что вспышка была зелёной. Они начали спорить, пока Сава не положила между ними ладонь.

— Не договаривайтесь. Назовите различие.

— Я видела голубое, — сказала первая.

— А я зелёное и не уверена, что смотрела в то же место, — сказала вторая.

Резонатор щёлкнул пять раз, выдержал паузу и дал ещё два удара почти одновременно.

Тая переставила чашки на столе, обозначая опоры.

— Не через шесть. Пять и два.

— Как на развилке счёта, — сказала Сава.

Лиора увидела, как её пальцы потянулись к чёрному стежку на плече и остановились. Сава опустила руку на стол.

— Что такое развилка счёта? — спросила Лиора.

— Когда ключ получает два совместимых, но не совпадающих ответа. Исправная опора удерживает оба. Повреждённая выбирает тот, который легче подогнать под исходное утверждение.

— Ты говорила, дефект пересчитывается через равные промежутки.

— На Эвровом мосту — да. Я думала, что равные.

Сава не стала защищать прежний вывод. Подвинула журнал к Лиоре и зачеркнула слово «равные» одной линией, чтобы запись оставалась читаемой.

Следующие два рассказа ничего не дали. Старик с перепёлками помнил только, что птицы замолчали, но не место. Посыльный отказался говорить о маршруте. Тая внесла оба ответа: «недостаточно данных» и «отказ». Резонатор на отказ не отозвался вовсе, зато лоза на модели не потемнела.

— Молчание не создаёт немоту, — негромко сказала Лиора.

— Мы это знали, — отозвалась Тая.

— Знали как правило. Теперь показали при свидетелях.

Мева поставила возле жестяной коробки подпись и время.

Женщина, ждавшая пути к сыну, долго держала серую полоску, сгибая угол ногтем.

— Он просил меня не приезжать, — сказала она наконец. — Это важно для моста?

Лиора ощутила, как комната напряглась. Вот к чему быстро сводился любой вопрос о безопасности: человек сам начинал отдавать самое большое, надеясь купить право пройти.

— Для нашего опыта — нет, — ответила она. — Не рассказывайте дальше.

— Но, может быть, из-за меня...

— Нет. Мы спрашиваем, что делал мост. Не почему вы шли.

Сава повернула схему чистой стороной и нарисовала только пять арок.

— Если хотите помочь, покажите место, где изменился звук под ногами. Не причину поездки.

Женщина указала промежуток между четвёртой и пятой арками. Там ей показалось, что шаг повторился снизу, словно кто-то шёл навстречу под настилом.

Резонатор дал четыре щелчка, паузу, затем два.

Сава быстро записала числа. Тая придвинулась ближе.

— Семь, шесть, пять и два, четыре и два. Это не сокращение до нуля.

— Это отсечение первого удара, — сказала Лиора.

Обе посмотрели на неё.

Она расставила цветные полоски вдоль края стола. Ночной обоз — семь ударов. Трещина на рассвете — каждый седьмой. Позднее измерение Савы — шесть. Но рассказы путников добавляли не одну последовательность, а две: основной счёт становился короче, а отделённая доля оставалась рядом.

— Ключ не забывает удар, — продолжила Лиора. — Он выталкивает его из такта.

— Немота не там, где не хватает правды, — сказала Тая. — Она там, где опора не принимает различие.

Сава закрыла глаза. Не от усталости: она мысленно проверяла расчёт, шевеля губами без звука.

— Тогда на Эвровом мосту должен быть второй рисунок трещин, — сказала она. — Не у главной лозы. Под боковым отводом, куда уходит отсечённая доля.

— Тот самый скрытый узел?

— Да.

— Почему ты не сказала, что он отводит несовпадающий ответ?

Сава открыла глаза.

— Потому что не знала, что он делает это сейчас.

Фраза была точной и недостаточной. Лиора услышала обе её стороны. Несколько часов назад она бы надавила, заставила назвать старый расчёт, потребовала доказать право на доверие. Но женщина у соседнего стола всё ещё держала серую полоску. Любой вопрос мог стать дверью, которую человек открывал из страха остаться взаперти.

— Что ты можешь сказать без нарушения нашего рабочего соглашения? — спросила Лиора.

Сава ответила не сразу.

— Второй узел строили для временной разгрузки. Он не должен был хранить отсечённую долю семь лет. И я не позволю тебе проверять его голосом.

— Это приказ?

— Граница моей работы. Если доступ дадут только при певческой пробе, я откажусь ставить опоры.

Лиора почувствовала неожиданное раздражение — и под ним облегчение. Сава могла воспользоваться её страхом потерять школу, могла назвать риск необходимым. Вместо этого она заранее лишала себя удобного решения.

— Принято, — сказала Лиора. — Проверяем резонаторами. Тая решает, когда остановиться.

— Я и без церемонии решу, — сказала Тая.

Мева принесла новую воду и собрала пустые чашки. За окнами туман начал редеть. Сквозь него проступил Эвров мост, неподвижный и слишком светлый, словно камень всю ночь не мог согреться.

У решётки сменился караул. Молодой стражник заглянул в чайную и положил на стойку запечатанный конверт.

— От комиссии. Доступ к первой арке на один час. Под настил не спускаться. Певческие пробы запрещены.

— Впервые запрет Эдрана совпал с нашим планом, — сказала Тая.

Стражник не улыбнулся.

В конверте не было обещанных ведомостей. Только пропуск на троих и приписка: архивная проверка продолжается.

Лиора передала лист Саве. Та прочла, вернула и ничего не сказала. На этот раз молчание не требовало немедленного толкования.

Они собрали схемы. Первую копию Тая убрала в сумку, вторую Мева заперла в сахарной коробке. Возчик лекарств спросил, откроют ли мост сегодня.

— Мы нашли место для следующей проверки, — сказала Лиора. — Это всё, что известно. Ответ никого не обрадовал. Но и не просил платить надеждой за красивое обещание.

Перед выходом женщина с серой полоской остановила Лиору.

— Спасибо, что не спросили про сына.

— Это ваше.

— Канцлер говорит, безопасность касается всех.

— Касается. Поэтому границы тоже должны касаться всех.

Снаружи Сава уже проверяла крепления футляра. В утреннем свете её лицо казалось старше, чем ночью, и спокойнее.

— Ты хорошо говоришь с людьми, — сказала она, когда они подошли к решётке.

— Я учительница.

— Учителя часто умеют только задавать вопросы.

— А мостостроители?

Сава посмотрела на белую громаду первой арки.

— Часто умеют только получать нужные ответы.

Стражник отпер решётку. За ней воздух был холоднее. Лиора ступила на карантинный настил и услышала под подошвой слабое двойное эхо: один удар держался в камне, второй уходил в сторону, к скрытому узлу.

След действительно вёл туда.

До каскада оставалось меньше сорока часов.

Глава 5. Семена по эту сторону

До Семенного дома они добрались, когда солнце уже поднялось над верхними террасами, но не сумело согреть камень.

Дорога, обычно пахнувшая влажной лозой и мукой из пекарен, теперь пахла запертыми воротами. У каждой лестницы стояли тележки, которые некому было переправить. Мешки с зерном укрывали от росы половиками, клетки с птицей переставляли в тень, посыльные пересчитывали одни и те же объявления. Над всем этим висел непривычный звук: пять берегов жили рядом, но не отвечали друг другу.

Час у первой арки не принёс им самого важного. Они нашли боковой отвод, услышали в нём отделённую долю и увидели под настилом белую пыль, которой не должно было быть на живом камне. Спуститься ниже стража не позволила. Сава успела снять только мерки и взять крупицу пыли на стекло. Теперь она несла футляр так осторожно, словно внутри лежал не образец, а признание, которое могло разбить мост.

— До школы я не дойду, — сказала Лиора у развилки. Голос после коротких распоряжений стал шероховатым. — Ильма ждёт поставку с Южного берега. Если она не пришла, мы должны знать, сколько у нас времени.

Тая посмотрела на неё тем взглядом, которым обычно проверяла натяжение струны.

— Мы — это школа или вся сеть?

— Сегодня одно быстро становится другим.

— Неправильный ответ. Но идём.

Сава не спросила, кто такая Ильма. Она свернула следом.

Семенной дом занимал длинную низкую постройку на третьей террасе. Его стены были сложены из тёмного пористого камня, сохранявшего прохладу даже в жару. Над дверью вместо вывески висели связки пустых стручков: ветер перебирал их, и они сухо постукивали, будто очень тихие счёты.

Во дворе стояла очередь.

Люди пришли не за редкими цветами и не за садовыми новинками. В руках у них были кухонные банки, полотняные мешочки, бумажные конверты. Ильма сидела за столом под навесом и отмеряла семена капусты маленькой медной ложкой. Рядом девочка лет десяти записывала имена и количество. На доске мелом было выведено: «На семью — одна мера. Для посева, не для еды».

— Последнее надо написать крупнее, — сказала Лиора, подходя.

Ильма не подняла головы.

— Я уже писала. Голодные люди читают только то, что могут съесть.

Она досыпала в конверт несколько тёмных зёрнышек, завернула край и отдала старому мужчине. Тот положил на стол две монеты.

— Одну, — сказала Ильма.

— У тебя самой ничего не останется.

— Тогда вторую принесёте после урожая.

Мужчина хотел возразить, но увидел очередь и ушёл.

Только после этого Ильма посмотрела на сестру. У неё были те же серые глаза, что у Лиоры, но она шурилась не от света, а словно всё время оценивала, хватит ли ростку места.

— Ты обещала прийти вчера.

— Мост треснул.

— Я заметила.

Лиора обняла её через стол. Ильма ответила одной рукой, другой придерживая открытую банку. Объятие вышло коротким и сердитым, а потому домашним.

— Это Тая, — сказала Лиора.

— Я помню Таю. Она хотя бы появляется не только во время бедствий.

— А это Сава Ренн. Мостостроительница.

Ложка в пальцах Ильмы остановилась.

— С Рубежного берега?

— Да, — ответила Сава.

— Значит, вы тоже застряли по эту сторону.

— Похоже на то.

Ильма поставила банку под стол и вынесла следующую. Больше она ничего не спросила, но Лиора знала эту осторожность. Сестра не закрыла дверь. Она просто решила пока не ставить на незнакомой почве ничего ценного.

Очередь двигалась медленно. Южная поставка не пришла: там оставались бобы, зимняя репа и лекарственный укроп, который Ильма заказала для двух приютов. На Центральном берегу запасов хватало на обычную неделю торговли, но не на неделю страха. Люди покупали втрое больше, лавочники прятали лучшее для постоянных клиентов, а канцелярия обещала распределение после переписи потребностей.

— Перепись уже идёт, — сказала женщина в очереди. — Спрашивают, кто с кем живёт, сколько комнат, где родня.

— Для семян этого знать не нужно, — отрезала Ильма.

— Они говорят, так честнее.

Ильма стукнула ложкой о край банки.

— Честнее было бы сказать: мосты закрыты, порядка распределения ещё нет.

Лиора увидела, как Сава чуть повернула голову. Она слушала не спор, а его ритм.

Когда последний покупатель ушёл, девочка-помощница унесла журнал внутрь. Ильма заперла ящик с монетами и сняла с доски надпись.

— Теперь можно рассказать, почему у тебя голос как старая петля, — сказала она.

— Потеряла одну ноту.

— На сколько?

— Не знаю.

Ильма посмотрела на Таю.

— Не навсегда, если она будет исполнять распоряжения, — сказала та. — Поэтому не задавай вопросов, на которые требуется длинный ответ.

— Очень удобное правило для нашей семьи.

Они вошли в дом. Внутри тянулись ряды плоских шкафов с сотнями маленьких ящичков. На каждом стояли название, год и берег происхождения. Воздух был сухим, прохладным, полным запахов земли, бумаги и горьких трав. В дальней стене имелась дверь в теплицу.

Ильма провела их мимо рабочих столов к пустому стеллажу. Белые ярлыки на нём выглядели хуже любой трещины.

— Южные запасы, — сказала она. — Если переходы не откроют за три дня, я не выполню договоры. Если не откроют за пять, посадки в нижнем квартале сдвинутся до следующего сезона. У семян нет канцелярского терпения.

— Можно доставить по старым лестницам? — спросила Сава.

— Можно уронить в пропасть двадцать носильщиков и назвать это обходным путём.

Сава приняла ответ без защиты.

— Грузовая люлька у западной стены?

— Снята семь лет назад. После эвакуации Эвров моста.

Тишина в хранилище стала теснее.

Сава подошла к пустому стеллажу и провела пальцем по пазу для ярлыка.

— Крепления остались?

— Нижние. Верхние канцелярия переплавил на решётки.

— Я осмотрю нижние, если позволите.

Ильма впервые взглянула на неё с явным интересом.

— Не обещаете построить новую люльку до вечера?

— Нет. Обещаю сказать, что осталось, и чего это будет стоить.

— Тогда позволю.

Это была самая быстрая сделка, какую Лиора видела у сестры.

Они прошли в теплицу. Под стеклянной крышей теснились маточные растения, оставленные не для красоты, а ради следующего поколения. Ильма выращивала здесь культуры с пяти берегов, сводя их в пары так, чтобы урожай переносил чужую почву, но не терял своего свойства. Между грядками стояли мелкие чаши с водой. В каждой плавал лепесток: по его движению садовники следили за сквозняком.

Сава остановилась возле ряда низких серебристых кустов.

— Рубежная полынь?

— Её не бывает рубежной, — сказала Ильма. — Бывает полынь, которую достаточно долго растили на сухом камне.

— У нас её называют так.

— У вас любят подписывать владение раньше, чем корни.

Лиора ждала резкого ответа, но Сава присела и посмотрела на нижнюю сторону листа.

— Тогда как называете её вы?

— Поздняя серебряница.

— Я запомню.

Ильма отвернулась, скрывая смягчившееся лицо.

У западной стены теплица заканчивалась каменным выступом над пропастью. За защитной решёткой виднелись два вбитых в скалу кольца и обломок направляющей. На противоположном берегу темнела такая же площадка. Между ними не было ничего, кроме воздуха.

Сава достала мерную нить. Тая помогла закрепить её на кольце. Лиора осталась у двери: выходить на площадку ей запретили обе одновременно.

— Камень живой, — сказала Сава через несколько минут. — Кольца выдержат пустую линию и малые грузы. Не тележки. Корзины, лекарства, семена.

— Что требуется сверху? — спросила Ильма.

— Разрешение Южного берега, встречающая бригада и два совместимых утверждения для пробного троса.

— Разрешение канцелярии?

— Если линия не считается мостом, формально нет.

— А считается?

— Зависит от того, кого вы спросите после запуска.

— Хороший закон.

— Плохой. Но иногда полезный.

Ильма прислонилась к косяку.

— Мама знала об этой площадке.

Лиора почувствовала знакомое движение внутри — словно кто-то потянул за нить, которую она считала давно обрезанной.

— Она работала на эвакуации? — спросила Сава.

— Она исчезла после неё, — ответила Ильма. — И нет, это не приглашение расспрашивать.

— Поняла.

Сава вернулась к кольцу.

Лиора не удержалась:

— Почему ты никогда не говорила про люльку?

— Потому что ты превратила всё, чего не знала о маме, в песню, — сказала Ильма. — А я хотела сохранить хотя бы одно место, где она была человеком, который ошибался в расчётах и забывал перчатки.

Тая замерла у решётки. Сава продолжила измерения, но медленнее, давая сёстрам возможность решить, нужен ли им свидетель.

— Я пела не о ней, — сказала Лиора.

— Ты называла её «ушедшей между берегами». Люди решили, что Сад выбрал её за особую правду. К нам приходили спрашивать, что она сказала перед исчезновением. Мне было семнадцать. Я не знала. И каждый раз чувствовала, будто обязана придумать достойный ответ.

Лиоре захотелось возразить: песня помогла собрать деньги на поиски, удержала имя Мирены в памяти, привела добровольцев. Всё это было правдой. Но рядом с ней стояла другая правда — младшая сестра одна открывала дверь любопытным и расплачивалась за красивый образ матери.

В горле царапнуло. Не немота; слово, которое трудно произнести без мелодии.

— Я не спросила тебя, — сказала Лиора.

— Нет.

— И продолжала петь после окончания поисков.

— Да.

Лиора ждала, что Сад как-нибудь отметит признание: дрогнет лист, звякнет кольцо. Ничего не произошло. Правда, сказанная не ради механизма, не обязана была устраивать представление.

— Я не буду больше исполнять ту песню публично, — сказала она.

Ильма резко выпрямилась.

— Я не просила уничтожить её.

— Знаю. Речь о моём выборе.

— А если она нужна школе?

— Тогда школе придётся жить без неё.

Ильма смотрела долго, проверяя, не спрятано ли в обещании ожидание благодарности.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но не делай из этого новую песню о том, как ты научилась молчать.

Тая кашлянула в ладонь. Лиора почти улыбнулась.

Сава сняла мерную нить.

— Нижняя площадка пригодна, — сказала она. — Для запуска нужен человек на Южном берегу, которому Ильма доверяет выбрать груз и назвать его без ведомости канцелярии.

— Есть Оресса, — ответила Ильма. — Мы меняемся семенами девять лет. Но посыльного не переправить.

— Можно передать сигнал через сад.

Лиора подошла ближе.

— Голосом?

— Не твоим. Резонаторами по закрытой опоре. Короткая последовательность, не песня. Если боковой узел отводит несовпадение, он может провести простой ритм вдоль камня.

— А если ускорит пересчёт? — спросила Тая.

— Поэтому сначала проверим образец пыли. Если это истёртый ключ, не тронем сеть. Если обычная известь, пошлём три удара и паузу.

Ильма нахмурилась.

— Что означают три удара и пауза?

— Пока ничего, — сказала Сава. — Значение должно быть заранее известно обеим сторонам.

— У нас с Орессой есть счёт полива. Три коротких — открыть восточный желоб. Пауза — ждать подтверждения.

— Подойдёт.

Лиора посмотрела на пустой пролёт между площадками. Несколько минут назад он казался знаком утраты. Теперь это всё ещё была утрата, но с двумя целыми креплениями по краям. Не чудо. Не спасение. Работа, которую можно было разделить.

Из дома прибежала девочка-помощница.

— Госпожа Ильма, там люди из канцелярии. Хотят список покупателей и семей.

Ильма закрыла глаза.

— Скажи, что семенной учёт не содержит состава семей.

— Они видели журнал.

— В журнале имена тех, кто получил товар.

— Говорят, при карантине это государственная ведомость.

Лиора шагнула к двери, но Ильма подняла ладонь.

— Это мой дом.

В торговом зале ждали двое писцов и стражник. Старший писец держал распоряжение с печатью чрезвычайной комиссии. Лиора узнала формулировки Эдрана: для справедливого распределения требовалось установить «полную меру зависимости каждого хозяйства от межбереговых поставок».

— Мы не забираем запасы, — сказал писец. — Только сведения.

— Сведения тоже бывают запасом, — ответила Ильма.

— Отказ будет отмечен.

— Отметьте.

Писец заметил Лиору и Саву. Его уверенность окрепла: теперь перед ним была не упрямая торговка, а участницы расследования, на которых можно сослаться.

— Госпожа Вейн, безопасность мостов касается всех. Ваша сестра должна понимать необходимость честного ответа.

— Она ответила честно, — сказала Лиора. — Журнал не содержит того, что вы запрашиваете.

— Тогда мы изучим его и убедимся.

Ильма встала между писцом и дверью в контору.

— Нет.

Стражник переступил с ноги на ногу. Он был один и явно не собирался обыскивать Семенной дом ради таблицы.

Сава прочла распоряжение через плечо писца.

— Здесь требуется мера зависимости хозяйств, — сказала она. — Не имена покупателей.

— Имена позволяют связать записи.

— Позволяют. Но распоряжение этого не предписывает.

— Вы толкуете центральный документ на Центральном берегу?

— Я читаю слова в том порядке, в каком они написаны.

Лиора услышала в её голосе не насмешку, а ремесленную точность. Сава снова защищала границу, хотя проще было отступить и сохранить благосклонность комиссии.

Тая взяла с прилавка чистый лист.

— Можно выдать сводные числа: сколько мер каждого вида осталось, сколько заказов задержано, сколько дней до потери всхожести. Без состава семей.

Ильма не сразу согласилась. Потом кивнула.

— Составлю сама. К вечеру.

Писец поджал губы.

— Комиссия может счесть ответ неполным.

— Тогда комиссия честно это напишет, — сказала Ильма.

Они ушли без журнала. Стражник у двери едва заметно выдохнул.

Когда шаги стихли, Ильма села на край стола.

— Вот цена ваших закрытых мостов. Не пропасть. Не героическая песня. Чужая рука, которая решает, что ей пригодится из моей конторы.

— Я вижу, — сказала Лиора.

— Нет. Ты приезжаешь, когда всё уже трещит. Потом удерживаешь пролёт и уезжаешь под аплодисменты. А мы остаёмся считать пустые ящики.

Слова были несправедливы лишь настолько, чтобы особенно больно попасть в справедливое.

— Что ты хочешь от меня сейчас?

Ильма посмотрела на неё устало.

— Решение, в котором мама не становится ключом. Ни её исчезновение, ни моя память, ни твоя песня. Если мост можно спасти только семейной исповедью, пусть ищут другой способ.

За спиной Лиоры тихо звякнуло кольцо на ветру. Она вспомнила женщину в чайной, серую полосу в её руках, вопрос, который не понадобилось задавать.

— Обещаю, — сказала Лиора. — Мы не используем историю мамы как плату за доступ. Даже если она поможет объяснить старую опору.

— Ты не можешь обещать, что никто не спросит.

— Нет. Могу обещать, что я не отвечу за тебя и не превращу отказ в подозрение.

Ильма медленно кивнула.

— Это уже похоже на то, что можно посадить.

Она открыла нижний ящик прилавка и достала потёртую тетрадь в зелёной обложке.

— Здесь записи о старой люльке. Мамины пометки тоже есть. Не дневник. Только грузы, натяжение, погода. Можете взять копию страниц про крепления. Остальное останется здесь.

Сава не потянулась за тетрадью.

— Ильма сама отметит страницы, — сказала она.

— Да, — согласилась Лиора.

Сестра раскрыла тетрадь на конторке. Между таблицами обнаружился маленький рисунок: два семечка по разные стороны линии и стрелка, проходившая не через центр, а рядом. Никакого откровения, никакой последней фразы. Рабочая пометка человека, который надеялся вернуться к расчёту.

Ильма выбрала четыре страницы и положила между ними полоски бумаги.

— Копии получите после полудня. А сейчас уходите. Мне надо считать остатки, вам — проверять пыль.

— И попробовать послать сигнал Орессе, — сказала Лиора.

— Только если Тая разрешит.

— Мне начинает нравиться ваша семья, — заметила Тая.

На пороге Ильма задержала Саву.

— Если линия заработает, первой корзиной пойдут лекарства. Потом семена. Не ваши инструменты.

— Мои инструменты уже по эту сторону.

— Тогда договорились.

Во дворе снова собрались люди. Кто-то узнал Лиору и попросил спеть над закрытым Южным мостом. Она ответила, что сегодня петь не будет. Мужчина разочарованно отвернулся. Раньше она догнала бы его объяснением, попыталась бы сделать отказ полезным и красивым.

Теперь она позволила ему остаться разочарованным.

Они поднялись к дороге. Сава шла рядом, держа стекло с белой пылью против света.

— Ты правда снимешь песню о матери? — спросила она.

— Да.

— Даже если на неё приходит половина пожертвований школе?

Лиора посмотрела на неё.

— Ты это запомнила.

— Я запоминаю, где стоит нагрузка.

— Придётся переставить.

— Это дороже, чем оставить как есть.

— Поэтому и считается решением.

Сава убрала стекло в футляр. Между ними не стало больше доверия — для него требовалось слишком многое. Но появилось точное место, где оно могло когда-нибудь вырасти: не из признания под давлением, а из цены, которую каждая соглашалась назвать сама.

На верхней лестнице Тая подняла руку, заставляя их остановиться. Из-под земли донеслось два слабых удара, затем один. Боковой узел Эвров моста пересчитывал отсечённую долю уже не через четыре такта.

Через три.

— Пыль проверим в школе, — сказала Тая. — Потом никаких самовольных сигналов. Если это истёртый ключ, возвращаемся к первой арке с комиссией или без неё.

Лиора оглянулась на Семенной дом. Ильма уже снова сидела за столом, деля оставшееся на малые меры. Пустые ящики не делали её беспомощной. Они просто показывали срок, который нельзя перепеть.

До каскада оставалось меньше тридцати восьми часов.

Глава 6. Ключ опоры

Белая пыль оказалась камнем.

Тая доказала это без голоса, без догадок и без всякой красоты: капнула на один образец кислой водой, другой растёрла между двумя тёмными пластинками, третий нагрела над спиртовой чашей. Известь вспенилась бы. Пыль с Эвров моста только потемнела и легла на стекло серой жирной чертой.

— Истёртая сердцевина, — сказала Тая. — Не облицовка. Ключ.

Они работали в нижней мастерской Школы. За окнами ученицы разносили соседям списки дежурств, а во дворе кто-то колол принесённые утром дрова. Обычные звуки делали лежавшую на столе щепоть особенно страшной. Так мало вещества отделяло пять берегов от каскада.

Сава стояла у стены и смотрела не на пыль, а на схему второй опоры. С тех пор как они вернулись из Семенного дома, она трижды переставила одну и ту же линейку.

— Ты знала, что там сердцевина другого состава, — сказала Лиора.

Это был не вопрос. Вопрос позволил бы Саве выбрать удобную часть ответа.

— Знала, что должна быть, — отозвалась та. — Старые ключи Рубежного берега делали двухслойными.

— Ведомости этого не показывают.

— Потому что ведомости, которые вам дали, начинаются через два года после постройки.

— А те, что раньше?

Сава наконец подняла глаза.

— Я не видела их семь лет.

Тая положила щипцы рядом со стеклом.

— Формулировка точная. И бесполезная. Ты их потеряла, сдала или уничтожила?

— Не я.

— Кто?

Сава провела большим пальцем по краю линейки. На коже осталась тонкая белая полоска.

— Если отвечу сейчас, вы примете имя за причину. А у нас нет доказательства даже того, что старые листы относятся к нынешнему дефекту.

Лиора почувствовала, как в горле собирается сухое желание повысить голос. Нижний мибемоль не вернулся. Остальные ноты казались целыми, и именно поэтому тело уговаривало потратить их: одна громкая фраза, один нажим — и Сава перестанет отмерять правду крошечными порциями.

Тая будто услышала эту несостоявшуюся ноту.

— Лиора, воды.

— Я не собираюсь петь.

— Я не спросила, что ты собираешься.

Лиора выпила. Сава отвернулась к схеме, давая ей сохранить достоинство. Это почему-то раздражало сильнее, чем взгляд.

— Нам нужен доступ к боковому узлу, — сказала Лиора. — Не на час и не с писцом над плечом.

— Канцелярия не даст его после отбоя, — ответила Тая.

— Значит, пойдём до отбоя.

— И что ты там сделаешь?

— Услышу ключ.

Тая медленно сняла очки.

— Нет.

Одно слово легло на стол рядом с пылью.

— Резонаторы не различат сердцевину за внешним слоем, — сказала Лиора. — Ты сама это знаешь.

— Знаю. Поэтому мы возьмём узкий щуп, снимем отклик камня и вернёмся с числами.

— На это уйдёт ночь.

— На восстановление твоего голоса уйдут месяцы, если вообще повезёт.

Сава развернула схему.

— Есть средний путь. Короткий тон через металлическую скобу. Не песня и не удержание нагрузки. Ключ ответит одним обертоном.

— Чьим голосом? — спросила Тая.

— Моим.

Лиора посмотрела на неё. Голос Савы был низким, суховатым, без певческой опоры. Он мог разбудить ключ, но не вынести немоту, если та хлынет обратно.

— Ты не умеешь замыкать отклик.

— Научусь по дороге.

— Нет, — сказала теперь Лиора.

Сава чуть заметно усмехнулась.

— Удобное слово.

— Особенно когда его слышат.

Тая подвинула к себе схему.

— Щуп. Сначала только щуп. Если результат неоднозначный, решаем заново. Никто не касается ключа голосом без моего разрешения.

Рабочее соглашение, заключённое у моста, делало её решение окончательным. Лиора сама настояла на этом и теперь ощутила цену хорошего правила: оно мешало именно тогда, когда нарушить его казалось разумным.

— Согласна, — сказала она.

Сава ответила после короткой паузы:

— Согласна.

К первой арке они пришли за четверть часа до окончания доступа. Комиссия прислала молодого писца, двух стражников и инженера, который всё время поглядывал на Саву так, словно её рубежный плащ мог заразить кладку изменой. Под мостом сгущался ранний вечер. Певучие лозы свернулись вдоль перил, оставив между листьями немые серые участки.

— Только внешний осмотр, — предупредил писец. — Вскрытие опоры запрещено.

Тая показала ему щуп толщиной с вязальную иглу.

— Смотровой канал заложен строителями. Мы ничего не вскрываем.

— Голосовое воздействие запрещено.

— Поэтому певица несёт ящик.

Лиора действительно несла ящик с пластинами. Это было унизительно ровно до тех пор, пока она не признала, что ящик нужен, а её руки свободны.

Они спустились под настил по служебной лестнице. Здесь мост звучал даже без людей: камень принимал ветер, передавал его лозам и возвращал в скалу мягким гудением. Через каждые три удара появлялась пустота. Отсечённая доля больше не пыталась спрятаться.

Сава нашла боковой отвод под слоем засохшего связующего. Работала она уверенно, но на последней скобе остановилась.

— Канал смещён, — сказала она.

— Насколько? — спросила Тая.

— На ширину пальца вниз.

— Ошибка кладки?

— Нет. Его перенесли после расчёта.

Лиора поставила ящик на площадку.

— Ты это видишь по одному отверстию?

— По трём. Старые гнёзда залиты составом с красной крошкой. Так делала моя бригада.

Писец, оставшийся наверху, перегнулся через перила.

— Вы утверждаете, что строили эту опору?

Сава не посмотрела на него.

— Я утверждаю, что узнала состав.

Она вставила щуп. Тая закрепила на его внешнем конце тонкую пластинку и ударила войлочным молоточком. Чистый высокий звон ушёл в камень. Вернулся низкий, раздвоенный.

Тая повторила опыт с другой силой. Затем ещё раз, изменив угол.

— Внешний слой отвечает настоящему положению, — сказала она. — Сердцевина — старому каналу.

— Два ключа? — спросила Лиора.

— Один ключ и две версии того, где он находится.

Слова отозвались в Лиоре неприятной ясностью. Мост держался не просто на повреждённой детали. Его заставили одновременно подтверждать два несовместимых устройства.

Под настилом прошёл глухой удар. Щуп дёрнулся в руке Таи. Сава схватила её за запястье и вытащила металл прежде, чем канал сомкнулся. Из отверстия высыпалась новая порция белой пыли.

Певучие лозы наверху зашелестели разом.

— Все с опоры! — крикнул инженер.

Тая уже складывала пластины.

— Мы получили достаточно.

Лиора не двигалась. За каменным гудением она услышала вторую линию — тонкую, как натянутая нить грузовой люльки. Обертон не возвращался в опору. Он уходил в сторону закрытого Южного пути.

Три коротких колебания. Пауза.

Сигнал Ильмы и Орессы.

— Боковой узел проводит ритм, — сказала Лиора. — Мы можем открыть грузовую линию.

— Потом, — отрезала Тая. — Поднимаемся.

Но в этот миг с противоположной стены пропасти пришёл слабый ответ: два удара и один длинный. Не предусмотренный ими, но несомненно человеческий.

Оресса услышала.

Лиора шагнула к скобе. Если дать одну чистую ноту, можно было подтвердить приём, а заодно услышать, какая из двух версий ключа отзывалась на выбранную правду. Один опыт решал бы две задачи.

Сава встала между ней и камнем.

— Не смей.

— Отойди.

— Ты слышишь возможность и называешь её обязанностью.

— Там ждут лекарства.

— Лекарства дождутся механического троса. Твой голос не обязан доказывать, что ты хорошая сестра.

Это было слишком близко к словам Ильмы и потому показалось вмешательством.

— Не тебе объяснять мне цену моей семьи.

— Не мне. Поэтому я не прошу объяснений. Я закрываю доступ к опоре.

Сава вынула из стены скобу и зажала её в ладони. Острый край рассёк кожу. Кровь выступила сразу, но она не выпустила металл.

Лиора могла оттолкнуть её. Могла позвать писца и объявить, что рубежная мостостроительница мешает расследованию. Могла даже спеть без скобы: камень услышал бы её через площадку.

Вместо этого она посмотрела на Таю.

— Останавливаем опыт?

— Останавливаем, — ответила та.

Лиора отступила.

Гудение опоры ослабло. Ответ с Южного берега не повторился, но теперь они знали: старая линия жива с обеих сторон. Этого должно было хватить на один вечер.

Наверху писец потребовал объяснить кровь, пыль и «несанкционированный межбереговой обмен сигналами». Тая продиктовала только наблюдения. Сава позволила перевязать ладонь и не добавила ни слова. Лиора стояла рядом, чувствуя одновременно благодарность и злость — две правды, которым не требовалось превращаться в одну.

Инженер комиссии просмотрел записи.

— Смещение канала могло возникнуть при ремонте.

— Могло, — сказала Сава.

— Или при намеренной подмене ключа.

— Могло.

— Ваша бригада использовала красную крошку.

— Да.

Писец оживился.

— Значит, госпожа Ренн признаёт участие.

— В строительстве, — сказала Лиора. — Не подменяйте существительное, чтобы получить удобный протокол.

Сава взглянула на неё быстро и удивлённо.

— Мы печатаем узел, — объявил инженер. — До заседания комиссии никто не войдёт.

— Когда заседание? — спросила Тая.

— Завтра после первого колокола.

— До каскада может остаться меньше тридцати часов.

— Тогда советую подготовить убедительные ответы.

На обратном пути Сава шла медленнее обычного. Повязка на ладони темнела. Лиора дважды собиралась заговорить, но всякий раз слова казались либо обвинением, либо благодарностью, а ни то ни другое не было полным.

У ворот Школы она всё же остановилась.

— Почему канал перенесли?

— Не знаю.

— Ты узнала старые гнёзда раньше, чем вставила щуп.

— Да.

— И знала, что отклик раздвоится.

Сава посмотрела на перевязанную руку.

— Предполагала.

— На чём?

— На ошибке, которую уже видела.

— Где?

Двор за воротами был полон людей. Нара раздавала миски с похлёбкой младшим ученикам. Сосед укладывал последние поленья под навес. Любой ответ здесь мог стать слухом прежде, чем они дошли бы до мастерской.

Сава заметила это тоже.

— Не здесь.

Лиора едва не рассмеялась от бессилия.

— У тебя всегда находится место, где нельзя сказать.

— А у тебя — публика, перед которой легче требовать.

Слова ударили точно. Лиора оглянулась на двор и поняла, что уже встала так, чтобы Сава оказалась у стены, а сама она — лицом к людям. Привычка сцены превратила разговор в выступление раньше, чем она это заметила.

Лиора шагнула в сторону, освобождая проход.

— В нижней мастерской. Только мы, Тая и закрытая дверь.

— Хорошо.

— И ты назовёшь не имя. Ты назовёшь технический факт, который скрываешь.

Сава долго смотрела на неё.

— Назову тот, который относится к нынешнему риску.

Это снова была граница, аккуратно поставленная посреди дороги. Но теперь Лиора различала в ней не только уклонение. За ней находилось что-то, что Сава считала несущей стеной.

— До разговора ты не работаешь с опорами одна, — сказала Лиора.

— Согласна.

— Все расчёты в двух копиях.

— Уже.

— И Тая решает, можно ли нам применять голос.

— Даже если я попрошу свой?

— Особенно тогда.

Сава кивнула.

Тая, ожидавшая у двери, подняла связку ключей.

— Наконец-то вы обе освоили слово «условия». Ещё несколько лет — и дойдём до написания сна.

Из глубины Сада донеслись три тяжёлых удара. Потом два близких, почти слившихся. Ритм снова изменился.

Тая побледнела.

— Отсечённая доля вернулась в основной счёт.

— Это хорошо? — спросила Нара, подходя с пустой корзиной.

— Это значит, что ключ больше не может держать две версии порознь, — сказала Сава.

Лиора посмотрела на неё.

— И что произойдёт, когда они совпадут?

— Мост выберет ту, которая дольше считалась истинной.

— Даже если она ложная?

— Камень не знает слова «ложная». Он знает повторение.

За воротами листья на ближайшей лозе повернулись серой стороной наружу.

Сава первой вошла в Школу.

— Закрывайте дверь, — сказала она. — Я покажу вам старую формулу.

Глава 7. Комната тишины

Старая формула уместилась на половине доски.

Сава писала левой рукой, потому что правая была перевязана. Две дуги обозначали внешний слой ключа и сердцевину. Между ними шла ломаная линия, похожая на русло реки, которую пытались заставить течь в обе стороны.

— Здесь должен быть общий такт, — сказала она. — Внешняя кладка отвечает на то, что мост слышит сейчас. Сердцевина сохраняет первое принятое положение.

Тая сидела у стола с часами, водой и листом наблюдений. Перед разговором она заставила Лиору вдохнуть над зеркалом, потом произнести три обычных слова. На втором голос сорвался в сухой шорох.

— Всё, — сказала Тая и подвинула ей дощечку. На верхнем краю уже было написано: «До завтрашнего осмотра — ни слова».

Лиора хотела возразить, но горло ответило болью раньше звука. Пришлось написать: «Пусть заканчивает».

— Заканчивай, — разрешила Тая Саве. — Но если она попробует задавать вопросы вслух, разговор окончен.

— Формулу создали для временной эвакуационной опоры, — продолжила Сава. — Она позволяла принять одно положение без проверки, если общий такт уже разрушен. На несколько часов. Семь лет назад кто-то оставил разделение внутри постоянного ключа.

Лиора написала: «Кто создал?»

— Первую версию — я. Для полевого моста на Рубежном берегу. Этот чертёж изменён. «Кем?»

— Не знаю.

Карандаш замер. Слишком удобно. Лиора перечеркнула вопрос и написала другой: «Что изменено?»

— Убрано условие распада. Моя временная опора должна была рассыпаться после восьмого часа. Здесь сердцевине позволили продолжать счёт, пока внешний слой повторяет новую версию положения. Мост живёт между двумя утверждениями и платит за это связностью сети.

Тая сравнила рисунок с измерениями.

— Значит, отсечённые доли не исчезали. Ключ занимал их, чтобы удерживать расхождение.

— Да. И запас почти закончился.

«Почему ты знала, где искать?»

За дверью прошли ученицы. Стены были толстыми, но тайной разговор делал выбор тех, кто находился внутри.

— Семь лет назад я видела опору с таким же раздвоением.

«Эвров мост?»

— Я назвала факт, относящийся к нынешнему риску. Остальное без документов будет рассказом о людях, которых здесь нет. Я не стану делать его доказательством, даже если ты мне не доверишь.

Лиора так нажала на карандаш, что грифель прорвал бумагу. Тая накрыла дощечку ладонью.

— Достаточно. У нас есть проверяемая гипотеза. Завтра проверим её без голоса. Если Сава скрывает условие, числа её выдадут. Давление не сделает нас умнее.

Сава попросила копию измерений и три пластины разной памяти. Лиора написала: «Получишь под наблюдением Таи».

— Согласна.

Это слово уже не звучало уступкой. Оно становилось частью конструкции, способной принять вес.

Комната тишины находилась под крышей. Туда отправляли тех, кто перенапряг связки. Стены обили войлоком, окно выходило на глухой склон, а постояльцам запрещалось даже отбивать ритм по раме.

На подушке лежала стопка карточек. Нара поставила рядом кувшин и табличку: «Если понадобится помощь, дёрнуть синий шнур один раз. Если Тая — два. Если захочется тайком работать — три, и мы придём всей школой».

Лиора улыбнулась, но почти сразу услышала снизу молоточек. Тело привычно потянулось к звуку: определить высоту, найти лишний обертон, помочь. Она открыла дверь.

На пороге сидела Нара с учебником.

— Я не сторожу. Я занимаю лучшее место для чтения.

Лиора показала карточку: «Мне нужны результаты».

— Тая обещала принести.

«Я руковожу исследованием».

— А руководить можно только из мастерской?

Вопрос был неприятен тем, что Лиора сама учила: солист не равен хору, а громкость не равна значению.

«Принеси журнал опытов. И позови Ильму».

— Вот теперь похоже на руководство.

Журнал принесли через четверть часа. Страницы делились на три колонки: действие Савы, измерение Таи, решение. Последняя оставалась пустой. В записке говорилось: короткая пластина приняла обе версии и треснула; средняя сбросила старую после шестого повтора; долгая удерживала расхождение, забирая каждый третий такт. Они предлагали проверить пять несовпадающих показаний на средней пластине. Нужны были добровольцы.

Раньше Лиора спустилась бы сама, проверила настройку, нашла людей и встала между ними и прибором. Теперь между замыслом и её руками лежали два этажа, врачебный запрет и обещание признавать границы.

Она написала решение:

«Разрешаю подготовку. Тая останавливает опыт. Участники выбирают только наблюдаемые бытовые утверждения; отказ допустим до и во время проверки; имена в журнал не вносятся; Сава заранее показывает полный расчёт. Руководитель опыта — Нара».

Подумав, добавила: «Не искать одинаковый ответ. Проверять совместимость различий».

Когда Нара вернулась, глаза у неё расширились.

— Я? Но я ни разу не вела настоящий опыт.

«Ты вела беседы в чайной».

— Там вы были рядом.

«Будут Тая и Сава. Решения о людях принимаешь ты. О нагрузке — Тая. Расчёт — Сава».

— А если они поспорят?

«Запиши разногласие. Не исправляй его».

Ученица прижала журнал к груди и ушла уже не бегом.

Ильма пришла после вечернего колокола. От неё пахло мокрой землёй. Она принесла сушёную айву и прочла карточки на одеяле.

— Значит, ты наконец попала туда, куда отправляла других.

«Злорадствуешь?»

— Берегу силы. Для злорадства нужно дождаться, пока ты попробуешь сбежать.

Лиора толкнула её коленом.

— Люльку расчистили. Оресса ответила ещё дважды. Завтра перекинем тонкий трос. Без песен. Семенной дом протянет неделю, если первая корзина пройдёт.

Лиора подняла большой палец.

— Канцелярия снова просила имена.

«И?»

— Получила честное описание двери с внешней стороны.

Лиора беззвучно рассмеялась. Горло тут же напомнило о себе, и Ильма подала воду.

— Я не хочу обсуждать мамин журнал. Но это «не сейчас», а не «никогда».

Лиора посмотрела на сестру. Их спор строился так, будто существовало два берега: рассказать всё или навсегда замолчать. Между ними, оказывается, мог быть временный мост.

«Я услышала».

— Тогда ещё одно. Если ты потеряешь голос, спасая нас без нашего согласия, я не сочту это подарком.

«А если иначе не получится?»

— Сначала докажи, что иначе не получится. Не себе. Тае, Наре, мне. Кому-нибудь, кто не живёт внутри твоего горла.

Требование было жестоким и разумным. Лиора написала: «Согласна» — и почувствовала, как слово отнимает любимую лазейку.

После ухода Ильмы школа долго не затихала. Внизу двигали столы, во дворе принимали дрова. Лиора считала чужие шаги и постепенно понимала: работа продолжалась без неё не вопреки её значимости, а благодаря значимости многих.

Ближе к ночи пришла Сава. Она остановилась за порогом и подняла обе руки: в левой папка расчётов, правая в свежей повязке.

— Можно?

Лиора указала на стул.

— Полный расчёт. Тая сняла копию. Нара нашла добровольцев и выгнала меня, когда я предложила вопросы. Сказала, что инженер не должен выбирать правду под удобную конструкцию.

«Я её хорошо учила».

— Судя по сегодняшнему вечеру, взаимно.

Лиора написала: «Спасибо, что остановила меня у опоры».

— Я не знала, поблагодаришь ли ты. Ты всё ещё сердишься и подозреваешь меня.

«Да».

— Это можно оставить рядом с благодарностью?

«Уже оставила».

Сава провела пальцем по папке.

— У нас тишину считают пустотой в расчёте. Если инженер не дал числа, значит, он скрыл ошибку. Я долго думала, что поэтому нужно иметь ответ на любой вопрос. Хотя бы такой, который выдержит до утра.

Лиора ждала.

— Мне придётся рассказать больше. Не потому, что ты вынудишь. Без этого мы не разберём ключ.

«Когда факт понадобится — назови его всем, кто несёт риск. Не мне одной».

— Ты не хочешь знать первой?

Хотела. Первая правда казалась особым доверием. Но тайна, отданная ей в темноте, могла сделать её защитницей Савы раньше, чем она поймёт цену для остальных.

«Нет. Но до того ты не работаешь одна».

— Это условие расследования?

«И условие того, чтобы я могла сидеть рядом».

Сава не попыталась соединить строки удобным выводом.

— Принимаю.

Когда дверь закрылась, Лиора открыла папку. Сава оставила исходные допуски, неудачные варианты и величины с честным «не измерено». Ни одна пустота не была замаскирована нулём.

В плане утреннего опыта пять человек должны были описать один предмет, не договариваясь о формулировках. В графе «певица» стояло: «не требуется».

Сначала эти слова кольнули. Затем освободили место для дыхания.

Лиора записала распоряжения: открыть мастерскую для наблюдателей; не пускать канцелярию без согласия участников; публиковать результаты без имён; после третьего цикла сделать перерыв независимо от показаний.

Впервые её работа состояла не в том, чтобы стать недостающей опорой собственным телом. Она распределила вес, обозначила пределы и оставила другим пространство действовать.

Из глубины Сада донёсся новый счёт: три удара, затем два. После пятого наступила пауза. Не провал. Не немота.

Пауза, которую ещё можно было включить в музыку.

Глава 8. Пять несовпадающих правд

Утром голос вернулся к Лиоре ровно настолько, чтобы обмануть неосторожного человека.

— Доброе...

Тая подняла палец, и второе слово осталось произнесённым.

— Вот поэтому осмотр проводят до разговоров.

Она заставила Лиору дышать на зеркало, осторожно проверила шею и записала результат.

— Отёк меньше. Нижний регистр не трогаем. Обычная речь — не больше десяти коротких фраз за день. На опыте ты молчишь.

Лиора показала заранее приготовленную карточку: «Я наблюдатель».

— Руководитель — Нара.

На этом Тая настаивала с таким удовольствием, что Лиора заподозрила педагогический заговор.

В нижней мастерской длинный стол отодвинули от стены. В центре стояла средняя пластина памяти — серый каменный круг величиной с блюдо. Три медные струны соединяли его с рамой, на которой Сава закрепила уменьшенную модель ключа. За меловой чертой ждали пятеро добровольцев: пекарь Лем, ученица Веста, чайная хозяйка госпожа Орви, садовник Кел и переписчица Мина из канцелярии.

Последнее имя насторожило Лиору.

Нара заметила её взгляд.

— Мина пришла как частное лицо. Согласилась не делать именных записей.

Переписчица показала пустые руки.

— Сегодня я только участница.

У дальней стены стояли двое наблюдателей от школы и старик из чайной. Канцелярский писец остался в коридоре: никто из добровольцев не согласился на его присутствие.

Нара проверила лист условий.

— Каждый может отказаться сейчас или остановиться позже. Причину называть не нужно. Мы проверяем пластину, а не вас. Говорите только о предмете на столе. Не спорьте и не пытайтесь прийти к общей формулировке.

Она вынесла из шкафа глиняный чайник. Старый, пузатый, с синей глазурью на одной стороне и сколом на носике.

— Это и есть предмет? — спросил Лем.

— Да. Скажите одно утверждение, которое считаете верным. После каждого ответа Сава даст пластине принять его, Тая измерит отклик.

Лиора заняла место у окна с журналом на коленях. Роль наблюдателя ощущалась как слишком тесная одежда. Она видела, что левая струна натянута чуть слабее остальных, и уже подняла руку, но Тая сама проверила колок и поправила его. Мир обошёлся без подсказки.

Первым подошёл Лем.

— Чайник коричневый.

Веста фыркнула. На освещённой стороне глазурь была синей.

Нара не позволила ей заговорить. Сава ударила по раме. Пластина приняла фразу низким ровным звоном.

— Принято, — сказала Тая. — Следующая.

Веста шагнула к черте.

— Чайник синий.

Второй удар оказался выше. Две струны задрожали вместе, третья промолчала. По краю пластины проступила тонкая белая риска.

Сава склонилась к шкале.

— Расхождение удержано. Потеря одна двенадцатая такта.

— То есть мы уже сломали её? — спросила Веста.

— Нет, — ответила Нара. — Мы получили измерение. Продолжаем только если ты согласна.

Ученица посмотрела на риск и кивнула.

Госпожа Орви сказала:

— Чайник тёплый.

— Он холодный, — немедленно возразил садовник.

Пластина взвизгнула. Белая риска раздоилась.

— Стоп, — сказала Тая раньше, чем Сава успела ударить повторно.

Она сняла струны и коснулась камня тыльной стороной пальцев.

— Оба утверждения введены как безусловные. Мы не выяснили, откуда они взялись.

Канцелярский писец заглянул в дверь.

— Значит, одно из них ложно.

— Вас не приглашали, — сказала Нара.

— Комиссия обязана знать, почему опыт остановлен.

Нара подошла к двери и закрыла её перед самым его носом. Потом вернулась к добровольцам.

— Госпожа Орви, почему он тёплый?

— Я держала его, когда несла сюда. Солнечная сторона нагрелась.

— Кел?

— Я коснулся ручки. Она холодная.

Нара повернула чайник. Синяя половина, обращённая к окну, действительно хранила тепло. Ручка оставалась в тени.

— Хотите уточнить формулировки или оставить прежние?

Госпожа Орви пожала плечами.

— Моя ладонь всё равно не ошиблась.

— Моя тоже, — сказал Кел.

— Тогда оставляем.

Сава снова присоединила струны. На этот раз она не заставила модель принять ответы подряд. Между ними Нара произнесла: «Относится к месту прикосновения».

Два звона легли рядом. Белые риски не исчезли, но соединились перемычкой.

Лиора перестала писать. Опыт показывал не то, что истины можно согласовать правильным объяснением. Уточнение не изменило ни одного ответа. Оно только обозначило границу применимости каждого.

Мина подошла последней.

— Чайник принадлежит Школе голосов.

Нара посмотрела на Лиору. Та знала этот чайник с детства, но не помнила, кто его купил. На доньшке стояла школьная метка, однако метка могла означать учёт, а не собственность.

— Это наблюдение? — спросила Нара.

Мина смутилась.

— Я вижу клеймо.

— Тогда можете сказать о клейме.

— Нет. Я хочу проверить именно принадлежность. В канцелярии клеймо считается достаточным.

За дверью перестал скрипеть сапог писца.

Нара не торопила её.

— Вы уверены в утверждении?

— Нет.

— Что вы хотите сделать?

Мина посмотрела на пластину, потом на закрытую дверь.

— Сказать: я не знаю, кому принадлежит чайник.

Сава ударила по раме.

Три струны отозвались сразу. Белые линии на пластине вспыхнули, но вместо новой трещины между ними появилось свободное серое пространство. Модель ключа приняла неопределённость без потери такта.

Тая проверила шкалу дважды.

— Нулевая потеря.

На мгновение в комнате стало тихо. Затем Веста рассмеялась.

— Самый прочный ответ — «не знаю»?

— Нет, — сказала Лиора и тут же получила укоризненный взгляд Таи. Первая из десяти фраз была потрачена.

Она подняла карточку: «Самый прочный — тот, чьи границы названы».

Сава перечитала показания.

— Повторим цикл в другом порядке.

— Перерыв, — напомнила Нара. — Это был пятый ответ.

— Нагрузка ниже расчётной.

— Условие руководителя — перерыв после третьего цикла, а это был первый, — вмешалась Тая. — Но добровольцам всё равно нужно решить, продолжают ли они.

Нара обошла пятерых. Лем отказался: его ждала пекарня. Никто не спросил почему и не назвал его уход угрозой результату. На его место согласился встать старик-наблюдатель, но только после того, как выпил воды и прочитал условия сам.

Во втором цикле чайник поставили в тень. Теперь участники не уточняли друг друга и не спорили. Пластина принимала цвет, температуру, скол, вес и незнание владельца как пять отдельных линий. Потеря возникала только тогда, когда Сава задавала модели единую меру ответа.

— Вот, — сказала она после второго опыта. — Если ключ требует совпадения, различия начинают бороться за сердцевину. Если каждому утверждению оставить собственную опору, общий такт сохраняется.

— Тогда зачем мостам песни? — спросила Веста.

Вопрос попал в Лиору точнее обвинения. Если камню не требовалось единогласие, возможно, ему не требовалась и певица.

Она могла ответить. Осталось девять фраз. Но Нара уже размышляла.

— Чтобы задать общий такт, — сказала ученица. — Не общий ответ.

Тая посмотрела на Лиору. Та кивнула.

В третьем цикле Сава заменила модель ключа. Она взяла точную копию нынешней схемы Эврового моста: внешний слой и сердцевина с двумя версиями положения. При первом несовпадении струны задрожали. При втором камень забрал треть такта. После третьего из коридора донёсся глухой удар настоящего моста.

— Останавливаем, — сказала Тая.

— Ещё одно показание даст нам порог, — возразила Сава.

Нара встала между ней и рамой.

— Останавливаем.

Сава не отвела руки от молоточка.

Лиора почувствовала знакомое искушение решить спор авторитетом. Ей достаточно было одного слова. Но тогда назначение Нары оказалось бы украшением, действующим лишь до первого настоящего разногласия.

Она ничего не сказала.

Сава медленно положила молоточек.

— Решение руководителя записано, — произнесла она.

Нара выдохнула, будто только теперь поняла, что задерживала дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.